

И. Я. ГУРЛЯНД

Приказ Великого государя Тайных дел

<Фрагменты>

Тайный приказ был учрежден царем Алексеем Михайловичем. В этом обыкновенно не сомневаются исследователи, почему-либо касавшиеся вопроса о данном Приказе. Только *Успенский* думал, что основателем Тайного приказа следует считать Иоанна IV. «Хотя некоторые, — пишет *Успенский*, — учреждение сие приписывают царю Алексею Михайловичу, а другие даже Петру Великому, но как при Иоанне Васильевиче упоминается, что окольниковый Федор Иванович Умный-Колычев ведал, между прочим, и тайные дела, то, весьма вероятно, что ежели не Тайная Канцелярия, то, по крайней мере, другое подобное оной учреждение, тогда существовало. Самые даже свойства сего государя догадке сей придают великое правдоподобие*. Мы не знаем, какое именно указание на деятельность Умного-Колычева имел в виду *Успенский*; но общеизвестно, что Федор Иванович Колычев-Умного был близок к царю Ивану, не раз бывал в послах, правил весьма трудное посольство 1567 г. к королю Сигизмунду-Августу, требовавшее большого опыта, настойчивости и умения пользоваться тайным обычаем собранными сведениями**, наконец, был одним из бояр опричнины; неудивительно, следовательно, если он действительно и исполнял какие-либо тайные поручения царя. Но наличность подобных поручений, равно и указания документов на отдельных лиц, исполнявших такие поручения, еще ничего не решают в вопросе о времени образования Тайного Приказа. Например, если говорить о времени еще более раннем, дьяк Меньшой

---

* *Успенский*, «Опыт повествования о древн. Русск.», изд. 2-е, Харьков. 1818 г., ч. 2-я, стр. 304–305.

** См. об этом посольстве «Сборник Русского Исторического Общества», т. 71, стр. 447–497.

Путятин, согласно рассказу летописца, исполнял вместе с стряпчим Яковом Мансуровым весьма серьезное и совершенно тайное поручение великого князя Василия Ивановича (в 1534 г.): когда великий князь заболел, он с Волока, где находился тогда, послал указанных лиц тайно в Москву за духовными отца своего и своей. Поручение это было скрыто даже от великой княгини*. Тот же Меньшой Путятин вел личную переписку великого князя с великой княгиней**. Можно думать, что не меньшей доверенностью пользовался у великого князя Иоанна Васильевича дьяк Данило Мамырев, который писал духовное завещание великого князя, вел переписку великого князя с дочерью Еленой¹ и проч.*** Тайный способ действий — обычное явление в нашей истории; тайные поручения не редки и до Иоанна IV, как при нем, так и после него. Особо доверенные лица также существовали при каждом государе. Чтобы из этих данных делать какой-либо вывод для нашего вопроса, нужно доказать во-первых, что тайны этих тайных поручений и тайны Приказа Тайных Дел могут быть рассматриваемы как тождественные понятия, и во вторых, что тайные поручения, даваемые доверенным лицам, не являлись лишь способом действий, а лежали в основе специального учреждения.

Доказать же это едва ли удастся. Кроме того, мы знаем прямое указание Котошихина, что приказ Тайных Дел учрежден Алексеем Михайловичем. Говоря о компетенции, составе и значении Приказа Тайных Дел, *Котошихин* прибавляет: «а устроен тот Приказ при нынешнем царе»****. Наконец, как увидим дальше, есть возможность проследить, как при царе Алексее Михайловиче исследуемый Приказ постепенно складывался.

Из приведенных выше слов *Успенского* следует, однако, что некоторые исследователи относили учреждение Тайного Приказа ко времени Петра Великого. Возможно, что *Успенский* имеет тут в виду писателей нам неизвестных, но, по-видимому, он только полемизирует с *Голиковым*², который, действительно, в «Введении» к первой части «Деяний» приписывает установление «Тайной Канцелярии» (Тайный Приказ он везде отождествляет с Тайною Канцелярией) Петру Великому*****. Но тот же Голиков в «Дополнениях» к Деяниям исправляет свою ошибку, оговаривая ее специальным примечанием.

---

* «Полное Собрание Русских Летописей», VI, стр. 268.

** «Письма Русских Государей», изд. Археографической Комиссией, I, стр. 3–5.

*** «Сборник Русского Исторического Общества», т. 35, стр. 227, 303, 308, 310 и др. «Собрание Государственных Грамот и Договоров», I, стр. 400.

**** Котошихин, стр. 70.

***** Голиков⁴, «Введение», стр. 27–28.

В конце концов, он относит основание Тайного Приказа ко времени царя Алексея Михайловича*.

Но если нет дальнейших разногласий в этом вопросе, то, несмотря на довольно многочисленные попытки, остается до сих пор нерешенным другой вопрос: когда именно при Алексее Михайловиче был учрежден Тайный Приказ. Например, Миллер в своей известной статье о старинных приказах указывает, что в записных книгах Тайный Приказ значится с 1658 г.** Не заметив этого показания Миллера, Голиков ссылается на другое показание, находящееся в том же томе «Вивлиофики»³, а именно на то место, где под 1672 г. «в списке чиновных особ впервые упоминается думный дьяк тайных дел Федор Михайлов и дьяк Тайного Приказа Данила Полянский. Из этого Голиков делает вывод, что основание «Тайной канцелярии надлежит отнести к 1672 г.»***. Не говоря уже о том, что и эта ссылка Голикова не точна, так как в том же списке чиновных особ о дьяке тайных дел упоминается и под 1670 г. и даже еще ранее — под 1669 г.****, но и вообще это утверждение не может иметь значения, в виду приведенного выше указания Миллера на 1658 г. Не замечая этого же указания, делает вывод и Берх. Он не согласен с датой, указываемой Голиковым, но не решается отнести время возникновения Тайного Приказа ранее, чем к 1663 г.***** Приказ, по его мнению, был учрежден для следствий по вымену серебряной монеты на медную, делу весьма обширному, в которое вовлечены были все служившие при сборах и множество разных лиц, обвиненных в делании медных денег. За Берхом повторили это и другие^{6*}. Некоторые писатели ставят учреждение Приказа Тайных Дел в зависимость от народных волнений, бывших во время царствования Алексея Михайловича, от мятежных настроений, источник которых следует искать, по мнению одних, еще в смутном времени, по мнению других, в недобросовестности отдельных лиц^{7*}.

* Голиков «Дополнение к Деяниям», М. 1790 г., III, стр. 140–141.

** «Древняя Вивлиофика», т. XX, изд. 2-е, стр. 404. (О том, что статья эта принадлежит Миллеру, см. нашу заметку в «Чтениях в Обществе Истории и Древностей Российских», 1899 г., кн. 3). Эту ссылку принял и Неволин⁵, «Журн. Мин. Нар. Пр.» 1844 г., ч. XLI, стр. 64.

*** «Доп. к Деян. Петра В.», т. III, стр. 140–141. Ср. «Др. Вивл.», т. XX, стр. 124.

**** «Др. Вивл.», т. XX, стр. 124 и 122.

***** Берх, «Царствование царя Алексея Михайловича», Пет. 1831 г., ч. 1, стр. 268.

^{6*} Напр. в «Справоч. энциклопед. Словаре» Крайя, Пет., 1848 г., стр. 51. Повторил это и Беляев, «Лекции по ист. Русск. Законодат.», М. 1879 г. стр. 573. Он думал, что Приказ был основан около 1662 г.

^{7*} Например, Леклерк, «Histoiredela Russieancienne», t. III, Paris, 1784, стр. 79–80; Левек, «HistoiredelRussie», Paris, an VIII, t. IV, стр. 100–101.

Иные, наконец, писатели ставят учреждение Приказа в связь с тем или иным определенным событием: например, *Арсеньев* был склонен думать, что поводом к учреждению Тайного Приказа явились мятежи против Морозова в Москве и против иноземцев в Новгороде*⁶. *Костомаров*, высказав, в сущности, ту же мысль, сузил ее значение, выразившись так: «в последующие за мятежами годы появился новый Приказ — Приказ Тайных Дел»**.

Само собой разумеется, что все указания такого рода еще не решают вопроса: Алексей Михайлович вступил на царство в 1645 г., а мятежи начались уже в 1648 г.; остается определить, когда именно после 1648 г. возник Приказ Тайных Дел, если между учреждением этого Приказа и мятежами можно установить связь; во-вторых, — что еще важнее — надо еще доказать, что такая связь может быть установлена. Наконец, если уже усматривать наличие связи между указанными событиями и учреждением Приказа, необходимо определить и характер ее***.

Однако, раз существуют подобные предположения, вопрос о возможно точном установлении времени основания Тайного Приказа получает существенное значение. Та или иная полученная дата до известной степени предрешит вопрос о самом значении нашего учреждения.

Документы дают определенную возможность утверждать, что Приказ Тайных Дел не принимал никакого непосредственного участия в розыске о виновниках волнений 1662 г. Между тем, если бы, действительно, Приказ возник под непосредственным влиянием мятежа 1648 г., как такового, т. е. как известного противоправительственного явления, для борьбы с которым потребовалось создать новое учреждение, то именно в деле о мятеже 1662 г. участие такого учреждения и оставило бы заметные следы. Из дела

---

* «Обустройстве управления в России XV—XVIII в. в.» в «Матер. для статист. Российской Империи», Пет. 1839 г., стр. 6.

** Костомаров, «Русская история в жизнеописаниях», Пет, 1874 г., втор. отд., стр. 121.

*** Насколько подобные общие выражения мало выясняют вопрос, легко видеть хотя бы из цитированного места «Дополнений» Голикова. Говоря достаточно категорически, что Приказ Тайных Дел учрежден в 1672 г., Голиков не затрудняется дополнить это место так: «мнится мне, что к сему (учреждению Тайного Приказа) побудил благодетельствующего впрочем подданным Монарха ропот народный и от онаго раждавшиеся мятежи за нововодимья исправления, взятые с примеров Европейских держав; не менее же от исправления книг церковных происшедший расколи вопль безумных ханжей и развратных толкователей, выведивших из того перемену веры и бесчисленные нелепости». «Доп. к Деян.», III, стр. 141.

об этом мятеже, тянувшегося до конца 1663 г. и кончившегося казнью 12 чел. и ссылкой 104 чел., видно, что розыск производился в Приказе Сыскных Дел, боярами кн. Ив. Андр. Хованским, Фед. Фед. Волконским, дьяками Артемием Козловым, Тимофеем Марковым и Андрианом Яковлевым*. Характерно, что первое извещение о бунте в Коломенском, посланное на города воеводам, было составлено не в Приказе Тайных Дел, а в Разряде**. Если бы, далее, Приказ был учреждением, созданным для указанной цели, он непременно проявил бы самое деятельное участие в розыске по делу Стеньки Разина и его сподвижников. Но мы знаем, что розыск велся в общем порядке — через Казанский Дворец и Разряд***. Приказ Тайных Дел, вероятно, внимательно следил за ходом розыска, на что у нас имеются некоторые указания****, но одно — следить за деятельностью учреждений общего порядка и другое — вести розыск в исключительном порядке. Точно также нельзя считать доказанным утверждение, будто дело 1663 г. о промене серебряной монеты на медную вел Тайный Приказ. Как мы уже приводили, некоторые (например, Берх) даже самое учреждение Приказа ставили в связь с этим делом. Между тем, все утверждение основано только на известном указе от 12 августа 1663 г. Вот этот указ: «денежного дела воров, которые маточники и чеканы⁷ резали и покупали и деньги на них делали, ссылать в Сибирь на вечное житье с женами и детьми, и устроить их в пашню, и пожаловал великий государь казни и наказанья чинить им не велел; а буде они впредь учнут таким-же воровством промышлять, и на порутчиках имать великаго государя пеня, а вором чинить смертная казнь, по прежнему его великаго государя указу без пощады»*****. Этот указ, действительно, исходил из Приказа Тайных Дел, но существование его может только доказывать, что царь, ознакомившись с вопросом, нашел возможным до поры до времени обойтись без применения к виновным суровых нака-

* Зерцалов, О мятежах в г. Москве и в селе Коломенском. Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских, 1890 г., кн. 3, стр. 244.

** Там же, стр. 294–295. Любопытно отметить, что, как видно из одной «тетради о бунте 1662 г.» в деле о бунте принимали участие Разряд, Конюшенный приказ, Казанский Дворец, Земский приказ; но ни слова не говорится о Тайном Приказе. Там же, стр. 247.

*** Попов, Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. М., 1857 г.

**** Там же; напр., стр. 99–101, где находим ссылку на грамоту из Тайного Приказа (воевод кн. Юрию Долгорукому), которой предписывалось послать людей на Павлов перевоз (в Нижегородском уезде), где, по Московским сведениям, крестьяне, «собрался с ворами, ходят, грабят и побивают до смерти».

***** П. С. Зак.⁸, I, 348; ср. ссылку Берха, ц. с. стр. 268 и к ней примеч. 175.

заний, ранее возвещенных. Этот указ — акт милости и, как таковой, мог, конечно, исходить из Приказа Тайных Дел. В то же время мы знаем присланную в Приказ Тайных Дел из Приказа Сыскных Дел роспись колодникам, сидевшим за воровские деньги*. Год на росписи, правда, не обозначен, но по архивным описям роспись отнесена к 1663 г. да и из рассмотрения росписи едва ли можно сомневаться, что в ней поименованы колодники именно по делу 1661–1663 гг.: роспись включает массу имен, встречаем представителей разных общественных классов; а ведь другого большого дела о воровских деньгах, кроме дела 1661–1663 гг., мы не знаем**. Не принимал Тайный Приказ непосредственного участия и в раскольничьих делах. Раскол — явление более позднее, чем мятежи, но если бы Приказ был учрежден под непосредственным влиянием наличности противоправительственных движений, не было бы основания не пользоваться Приказом и для сыска по делам о расколе и раскольниках. Между тем, все важнейшие дела такого рода, нам известные, а именно — о Неронове, об игумене Феоктисте¹⁰, об Аввакуме, о суздальском соборном попе Никите, о дьяконе Федоре, об уставщике Серапионе¹¹, о Соловецком монастыре — велись общим порядком в патриарших приказах***. Следующий факт является в этом смысле весьма характерным: в 1666 г. возник вопрос о старце Богородицкой, что на р. Инзе, пустыни Германе. Судя по его показаниям, жил он в лесу в 7 верстах от всякого жилья с старцем Савватием слепым; жил он там пять лет, никуда не выходил, делал деревянное дело¹², чем и питался, а иное боголюбцы присылали; «меж дел своих келейное свое правило исправлял, пел Часовник и Псалтырь, которые у него в келье были прежние печати, а новосправных де книг он не видал и про них не говаривал». В 1666 г. в среду на маслянице приехал к нему в пустынь старец Антоний, взял его и его сожителя, отвез в Симбирск к воеводе, воевода сейчас же отправил его в Москву, отпустив его сожителя «в мир». Герман был доставлен в Приказ Тайных Дел. Но 26 марта того же года (приняв во внимание вышеизложенные обстоятельства, мы вправе сказать — немедленно) с подьячим Приказа был отправлен в Патриарший Разряд. Там его заковали в цепи, там же начался и розыск****. Впоследствии мы будем

---

* Государственный Архив⁹, XXVII разряд, № 162.

** Отметим, что дела по поводу фальшивых монетчиков находятся теперь в архивах не среди дел Тайного Приказа. Например, Архив Министерства Иностранных Дел, П. Д. С. Л., 1663 г., № 7, 122, 123, 238 и т. д.

*** Материалы для истории раскола, изд. «Братск. Слова» М. 1876 г, т. I и III, passim.

**** Там же, т. I, стр. 467–471.

иметь случай говорить, что Тайный Приказ вовсе не был в стороне от дел о расколе. Но участие, которое он принимал в этих делах, было особенного рода. Тут мы устанавливаем только, что самый розыск по этим делам велся в общем порядке, а не Приказом.

Мы вполне понимаем все несовершенство таких доказательств, которые устанавливают положение путем отрицания. Но с приведенными данными нельзя не считаться. Если бы Приказ Тайных Дел был учрежден для искоренения тех проявлений народного недовольства, которые определились в мятежах, то где же искать следов его деятельности, как не в деле о мятеже 1662 г. и в деле Разина? Если бы Приказ учредился под непосредственным влиянием отдельных событий, то, конечно, такими событиями могли бы быть только дела о деньгах и дела о раскольниках.

Попробуем, однако, к тому же вопросу подойти несколько иным путем. Мы уже привели выше указание Миллера на то, что Приказ Тайных Дел упоминается в записных книгах еще под 1658 г. Обращаясь к рассмотрению бывших в нашем распоряжении документов, мы можем решительно установить, что Приказ Тайных Дел существовал раньше 1658 г. Так, под 26 июля 1657 г. в «Разрядах» читаем: «а осля водили под митрополитом: окольниковый князь Семен Петрович Львов... да дьяк тайных дел Дементий Башмаков»*. Далее, известна грамота из Приказа Тайных Дел за приписью того же Башмакова от 12 марта 1657 г.** Мы знаем также отписку в Разряд воеводы Петра Потемкина с ссылкой на наказ из Приказа Тайных Дел от июня 1656 г.*** Наконец, в одной грамоте от 1660 г. встречается указание на память из Приказа Тайных Дел от 1655 г.**** Таким образом, ясно, что между делом о монете 1663 г. и появлением раскола, с одной стороны, и учреждением Приказа Тайных Дел, с другой, — никакой связи нет, и искать ее бесполезно.

Гораздо труднее с такой же положительностью установить отсутствие прямой связи между фактом учреждения Приказа Тайных Дел и, например, народными волнениями 1648 г. Мы останавливаем внимание именно на этом событии, так как оно было первым такого рода. Очевидно, что положительным путем доказать отсутствие непосредственной связи между этими двумя фактами мы могли бы только в том случае, если бы установили, что Приказ Тайных Дел существовал ранее 1648 г.

---

* Дополнения кт. ШДворцовых Разрядов, стр. 104.

** Акты Археографической Экспедиции, IV, 94.

*** Акты Московского Государства, II, № 833.

**** Дополнения к Актам Историческим, X, 40, I.

Как приказ, т. е. как организованное учреждение с определенным наименованием, с определенной организацией, Приказ Тайных Дел, как показывают данные, едва ли возник ранее начала 1655 г. Так, в нашем распоряжении имеется следующий документ от 15 декабря 1654 г.: «от царя (титул) думному нашему диаку Алмазу Иванову. По нашему указу послан от нас из Вязмы подьячий Василей Ботвинев, а о чом тебе станет он говорить что ему понадобится на наш расход денги или об ином каком нашем деле учнет говорить, и тебе б ему верить во всем, а денги давать с роспискою»^{*}. Василий Ботвиньев был взят к царю из подьячих Большого Дворца^{**}, но тот же Василий Ботвиньев известен нам, как один из первых подьячих Приказа Тайных Дел^{***}. Вместе с тем нельзя сомневаться, что как по содержанию, так и по форме, цитированный документ — типичный указ из Приказа Тайных Дел. Если бы в это время существовал уже Приказ Тайных Дел, трудно было бы объяснить, почему Ботвиньев назван в указе просто подьячим, а не подьячим Приказа Тайных Дел. Царь всегда придавал особое значение Тайному Приказу, подьячие Приказа тем и выделялись среди других подьячих, что они служили в Тайном Приказе; тем более было бы отмечено это обстоятельство тогда, когда Приказ был внове. Имеет большое значение и следующее обстоятельство: первым тайным дьяком, т. е. дьяком, стоявшим во главе Тайного Приказа, был, как увидим дальше^{****}, Дементий Башмаков; но он в 1654 г., хотя состоял непосредственно при царе и делал уже многое из того, что делали потом подьячие Тайного Приказа^{*****}, считался еще подьячим Большого Дворца, где состоял на службе, вероятно, довольно давно^{6*}. Мы знаем также, что один из первых подьячих Приказа Тайных Дел Кирилл Демидов в том же 1654 г. показан, как подьячий Большого Дворца^{7*}. Нельзя не обратить внимания и на следующее обстоятельство: для 1655 г. мы имеем прямое указание на подьячих Приказа Тайных Дел Василия Ботвиньева, Федора Казанца, Алексея Симонова, Юрия Никифорова^{8*}, а для 1656 г. — на подьячих Артемона

---

* Архив Оружейной Палаты, 163 г., № 10.

** Архив Министерства Юстиции¹³, Московский стол, столб. № 320, III.

*** См. «Приложения».

**** См. «Приложения».

***** Дополнения к Актам Историческим, III, 119, XXIX.

^{6*} Арх. Ор. Пал. № 184, 154 г.; назван «старым подьячим» Большого Дворца.

^{7*} Арх., Мин. Юст., Моск. ст., столб. № 320, III.

^{8*} Изд. г. Ламанского¹⁴, стр. 29.

Афанасьева* и Григория Ключарева**. Но первый из этих двух еще в сентябре 1652 г. служил в Ямском приказе***, а второй еще в октябре 1653 г. был подьячим Большого Дворца****.

Допустим, что в цитированной грамоте, где говорится о Ботвиньеве, он просто случайно назван подьячим, а не подьячим Приказа Тайных Дел, все-таки, как видно из других вышеприведенных данных, Приказ сформировался в определенное учреждение не ранее 1654 г., даже — конца 1654 г. Мы не знаем такого указа, которым бы этот Приказ учреждался; возможно, что такого указа никогда и не было издано. Но мы знаем пример приема, при помощи которого учреждались новые приказы. А именно: сохранился указ от 3 ноября 1657 г. об учреждении нового приказа — Записного¹⁵, который должен был «записывати степени и грани царственные»; в этом указе читаем: «по нашему (титул) указу быти Приказу Записному в набережных хоромех, что был Судной Володимерской приказ, а сидеть в том Записном приказе тебе диаку Тимофею Кудрявцеву и записывати степени и грани царственные». В помете па докладной выписи от 17 ноября 1657 г. читаем: «а в том Записном Приказе у записки быти подьячим старым двум человеком да молодым три человеком, а взяти в старые подьячие из Помесного Приказу, а молодых из разных приказов»*****. И это прием не новый. Так, еще в царствовании Михаила Феодоровича, когда Приказу Приказных Дел было поручено новое дело — реставрация иконописи Успенского собора, в приказ был назначен особый дьяк и было приказано набрать из разных приказов 9 человек подьячих^{6*}. Следовательно, был ли издан особый указ об учреждении Тайного Приказа или не был издан, но прием, при помощи которого Приказ был организован, едва ли чем отличался от только что описанного. Между тем мы видели, что первые подьячие Тайного Приказа в конце 1653 г., в начале 1654 г. и даже в конце 1654 г. еще состояли в числе подьячих других приказов.

Но Приказ Тайных Дел — не Записной приказ и не канцелярия по делам о реставрации иконописи Успенского собора. Если во-

* Акты Моск. Госуд., II, № 397.

** Изд. г. Ламанского, стр. 29.

*** Акты Рязанского края, изд. Пискарева, стр. 76.

**** Акты Южной и Западной России, X, стр. 140.

***** Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских, 1896 г., кн. 4, «Смесь», стр. 6. Акт изданг. Белокуровым, но без указания источника. Подлинник находится в Государственной Архиве, XXVII разряд, № 121, тетрадь № 3. Цитируемый акт — отрывок из целого дела.

^{6*} Арх. Оруж. Пал., кн. 299, л. 80.

обще московская административная практика не любила новшеств и в гораздо большей степени под видом нового только закрепляла то, что в действительности уже существовало, то тем более следует иметь это в виду в вопросе о Приказе Тайных Дел. Нужно реставрировать иконопись Успенского собора — необычного в этом нет ничего, и конечно, вполне возможно, что до издания указа о формировании особой для данного дела канцелярии, никаких следов такой канцелярии не существовало: такая канцелярия могла создаться одним почерком пера. Мы не исследовали во всех подробностях, как возник Записной Приказ, но думаем, что не ошибемся, предположив априорно, что, если до 17 ноября 1657 года (время учреждения Записного приказа) и не было специального приказа с таким названием, то уже были специальные лица, записывавшие степени и грани царственные. Что же касается Приказа Тайных Дел, то учреждение, которое было столь близко к царю, могло в каждую данную минуту столкнуться в своей деятельности с деятельностью других учреждений, вместе с тем не могло не задевать интересы целого ряда отдельных лиц — едва ли было бы правильно думать, что такое учреждение возникло только с того момента, когда получило название и определенную организацию. Если бы даже мы знали специальный указ об учреждении Тайного Приказа, мы все таки стали бы искать начало этого учреждения в документах более раннего времени.

Таков ход априорного рассуждения. Имеющиеся в нашем распоряжении документы вполне подтверждают его правильность. Так, в известном письме к Никону от мая 1652 г. царь писал: «да не покручинься, Господа ради, что про Савинское дело не писал к тебе, а писал и сыск послал к келарю: ей позабыл; а се в один день прилучилося все отпуски, и к тебе, святителю, и к ним, и к Василью Босому, и в Савинской монастырь к Алексею про казначея, а я устал»*. Случай сохранил нам некоторые из отпусков, о которых говорит тут царь, и мы видим, что писаны они различными почерками, но содержат не мало собственноручных приписок, вставок и поправок царя**. Достаточно беглого взгляда на эти документы, чтобы выяснилось, что ни в одном приказе общего порядка так не написали бы официальной бумаги. Например, отпуск по делу казначея Никиты начинается следующими словами: «От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси.

---

* Акты Арх. Эксп., IV, № 57.

** Документы эти напечатаны в сборнике г. Ламанского, стр. 684–698. Извлечены из Госуд. Арх., XXVII разр.

Врагу Божию и Богоненавистнику и Христопродавцу и розорителю Чюдотворцову дому и единомысленику сатанину, врагу проклятому, ненадобному шпыню и злomu пронырливому злодею, казначею Никите». В таком роде она вся*. Следовательно, при царе уже и в это время были лица, которые несли на себе канцелярские обязанности по делам, инициатива которых принадлежала лично царю. В делах Тайного Приказа, как следует из «Зотовской» описи¹⁶, были найдены и следующие три дела: 1) записка о постановлении Никона с черновыми набросками царя; записка относится ко времени, очевидно, ранее 23–25 июля 1652 г.; 2) связка, в которой содержится письмо, «выбранное из книг о воскресном дни и о праздниках Господских, что не работать и в рядех не торговать, кроме съестного, после обедни, а ходить всем в церковь на молитву»; год письма не помечен, но по сравнению с 25 статьей 10 главы Уложения ясно, что письмо было писано не позже 1648 года; 3) известная «заручная» челобитная о званье бояр на Озерецкого медведя¹⁷; хотя год документа не помечен, но потому что в нем говорится о кравчем Семене Лукьяновиче Стрешневе и о стряпчем с ключом Михаиле Алексеевиче Ртищеве, следует думать, что он был написан раньше конца 1646 г., так как в этом году Стрешнев был уже отставлен, а Ртищев пожалован постельничим**. Все эти документы носят на себе отпечаток личной царской мысли, по поводу некоторых имеется прямое указание, что документы писаны по черновым наброскам царя.

Сопоставляя приведенные факты, мы не можем не придти к убеждению, что при царе Алексее Михайловиче, очень рано, быть может, с самого первого года вступления его на престол, были особые должностные лица, которые писали под его диктовку, переписывали им составленные черновики, быть может, составляли документы согласно его указаниям; словом, действовали в качестве чинов образовавшейся при царе канцелярии. В дальнейшем мы попытаемся еще несколько ближе определить тот путь, каким, как к этому ведут нас все документы, произошло развитие из неорганизованной канцелярии, из нескольких подъячих, взятых к царю, организованного Приказа. Здесь же достаточно отметить самый факт: если Приказ, как организация, возникает только, как мы думаем, к 1655 г., то за-

---

* Изд. г. Ламанского, стр. 686–688.

** К тому же выводу о годе документа пришел и Забелин, «Кунцово и древний Сетунский стан», М. 1873 г., стр. 42; но по иным соображениям. Данные о Стрешневе и Ртищеве см. Древняя Российская Вивлиофика, XX, стр. 104 и 105.

чатки Приказа усматриваются чуть ли еще не в 1646 г. Мы не можем точно указать года — но нужно ли это? Если только мы согласимся, что Приказ развился из неорганизованной канцелярии, то этим мы уже отвергнем всякую непосредственную зависимость между какими либо определенными событиями и фактом появления Приказа. Мы этим установим, что процесс образования Приказа шел своим путем и к тому же путем внутреннего развития, быть может, получая извне те или иные толчки, но имея корень в совершенно ином порядке явлений.

Таким образом, вопрос сводится к следующему: можно ли доказать что между Тайным Приказом и образовавшейся при царе чуть ли не с самого вступления его на престол канцелярией существовала неразрывная внутренняя связь? Из тех документов, которые нам известны, думается, нельзя придти ни к какому иному заключению.

Но ранее остановимся несколько подробнее на выяснении тех обстоятельств, которые делали необходимым существование около царя Алексея Михайловича особой канцелярии.

В обзоре литературы предмета мы уже упоминали, что Соловьев, между прочим, бросил мысль о том, что Приказ Тайных Дел создан был царем Алексеем Михайловичем в силу одной особенности характера: царь не умел действовать прямо и открыто; он поминутно шел на разные уступки; чтобы избежать сопротивлений и неудовольствий, он уходил, прятался, распорядился тайком. Приказ Тайных Дел, в изображении Соловьева, это — тот щит для царя Алексея Михайловича, прикрывшись которым, он мог спокойнее идти своим путем среди постоянно происходившей перед ним борьбы разнородных интересов. Во всяком случае — одно из средств, при помощи которых, как читаем в конце цитируемой характеристики, — «тихо, незаметно очищается путь, по которому так смело пойдет младший сын Алексея».

Соловьев основывал свою характеристику на ряде фактов из отношений царя, с одной стороны, к хворородным любимцам, а с другой — к представителям стародавних и честных родов. Возвеличивая последних явно, царь тайно поощрял своих любимцев; принимая тайные жалобы любимцев, давая им тайные наказания мимо старших, царь не отказывал в явном признании за старым боярством прав на первенство и особое внимание. Мы бы могли привести в подкрепление мысли Соловьева факты и из других категорий явлений. Например, когда вопрос о том, что делать с протопопом Аввакумом, стал уже тяготить царя, и царь, переживавший тогда особенно тяжелый период своей распри с Никоном, точно бы начинал растериваться, во всяком случае, был готов

идти на уступки, имел место следующий факт: царь сам приказал Григорию Неронову¹⁸ (так сообщает игумен Феоктист) подать «маленькую челобитную о свободе Аввакума». И Григорий Неронов подал две челобитные: одну — царю другую — в Приказ Тайных Дел. Но тот же царь несколько не препятствовал духовенству вести неутомимое преследование против Аввакума, как до подачи, так и после подачи указанных челобитий*. Другой пример: в одной из отписок, писанных «по литорее» подьячим Тайного Приказа Юрием Никифоровым от 1661 г., находим такое указание: какому-то Василию была послана укорительная грамота из Разряда¹⁹, но подьячий должен был утешить Василия, сказав ему, что царского гнева на него нет; подьячий исполнил поручение, о чем, между другими делами, и донес царю**. Нельзя не вспомнить и то место из известного письма царя Алексея Михайловича к Никону, от 1652 г., где речь идет о князе Иване Хованском: «да ведомо мне учинилось от князь Ивановых грамот Хованскаго, что будто он пропал, а пропасть свою пишет, что будто ты его заставляешь с собою правила ежедень; да и у нас перешептывали на меня: николи де такого безчестия не было, что ныне государь нас выдал митрополитом; и потом и я тебя, владыко святой, о том молю с молением, пожалуй его с собой не заставляй у правила стоять: добро, государь, владыко святой, учить премудра, а безумному мозолие ему есть; да будет и изволишь ему говорить, и ты, владыко святой, говори от своего лица, бутто к тебе мимо меня писали, а я к тебе, владыко святой, пишу духовную; а добро бы пожаловать послушет, не токмо ему про то говорить, чтобы и к правилу не имал; да и здесь бы передо мною вы с очей на очи переведались»***. Царь, как следует из этого письма, не решался стать на сторону «перешептывающихся», но «перешептывание» смутило его, и он просил своего собинного друга не обострять отношений.

Но если бы мы привели еще очень много подобных примеров, все таки такой взгляд на значение особенностей характера царя Алексея Михайловича в деле учреждения Тайного Приказа не мог бы никого удовлетворить. Если несколько ближе подойти к мысли, брошенной Соловьевым, неизбежно возникает ряд вопросов. Царь отличался некоторой нерешительностью характера; если встречал сопротивление и недовольство, легко утомлялся; быть может, в силу этих свойств предпочитал иногда скрывать свои дей-

---

* Материалы для истории раскола, изд. «Братск. слова» т. I, стр. 314.

** Государственный Архив, XXVII разряд, № 337.

*** Акты Археографической Экспедиции, IV, 57, стр. 86.

ствия — но достаточно ли это для того, чтобы придти к организации целого специального учреждения? Не естественнее ли, например, другое объяснение: так как Приказ Тайных Дел уже существовал при царе, то царь иногда прибегал к его услугам и в тех случаях, когда указанные особенности его характера не позволяли ему действовать явно? Ведь не станем же мы серьезно уверять, что Приказ Тайных Дел был организован царем по заранее обдуманному плану хитрить, обманывать, говорить одно, а писать другое? Если желать быть справедливым, мы ведь не можем не сказать, что обман, как таковой, хитрость, как таковая, были скорее противны царю. В минуты тяжелой необходимости, когда царю казалось, что у него нет прямого выхода, он мог идти на уступки; в таких случаях существование при царе Тайного Приказа, при помощи которого легко было объявить царево слово одному и скрыть это слово от всех, могло оказывать ему некоторые услуги. Но мы дали бы самое ложное представление о Приказе, если бы попытались объяснить его, как Приказ таких уступок, там более, — как Приказ, созданный для или во имя таких уступок.

К сожалению, мы не имеем определенных данных, которые позволяли бы нам судить о мировоззрении царя Алексея Михайловича и о взглядах его на свои задачи, как правителя, до 1654 г. Под словом определенные мы понимаем — точно датированные. Но для времени, начиная с 1654 г, точные данные уже имеются. Как сейчас увидим, данные эти такого характера, что позволяют сказать следующее: к 1654 г. царь обнаруживает мировоззрение вполне установившееся, которое не меняется уже в течении целого ряда лет и может быть, по крайней мере, в главнейших чертах прослежено по документам 1654–1668 гг. и даже несколько позднейшего времени; следовательно, нет оснований предполагать, что воззрения эти внезапно сложились в 1654 г. или около этого года; гораздо более вероятно, что они начали складываться значительно раньше 1654 г.

Но перейдем к документам. Выступив 18 мая 1654 г. в поход²⁰, царь 31-го мая писал князю Алексею Никитичу Трубецкому, которого он послал с войском к Хмельницкому: «а нам, великому государю, Помощник Господь Бог наш. Той есть силен и крепок во брани, а разве Того не имею никого; и вам Того же Заступника и Помощника проповедаю; токмо веруйте несуменною верою и припадите всею душею и всем сердцем и будите милостиви, суд правой творите; ей, будет с вами»*. Эта глубокая вера в своего единственного Заступника и Помощника — первая черта мировоззрения царя.

---

* Изд. г. Ламанского, стр. 715.

Господь — часто повторяет царь — единый Помощник истинного государева слуги; царь убежден сам и убеждает других, что нельзя возлагать упование на свое «человечество и доротство»²¹, а надо уповать на Бога, полагаться не на «свое высокоумие», а на Бога*. В письме к кн. Лобанову-Ростовскому находим собственноручную приписку царя, в которой царь выражает пожелание, чтобы князь покрыл «прежняя своя непристойная воля и нераденье нынешнею своею службою и раденьем от всего сердца своего, и всякую высь оставил и смирил себя перед Богом»**. Та же мысль отпечатлелась и в письме к кн. Гр. Сем. Куракину: «Лутче слезами и усердством и низостью перед Богом промысл чинить по прежнему: как начал, так бы и совершал, а не силою и славою». Последние слова приписаны царем собственноручно***. Общеизвестны отношения царя к Нащокину. Но когда Нащокин в 1666 г. известил царя, что вместо перемирия с поляками, он, вопреки прежним планам, вознамерился вести дело к вечному миру, царь послал ему следующее письмо: «От царя (титул) нашему великому и полномочному послу околничему и намеснику Шатскому Афонасю Леврентьевичу Ардину Нащокину. Писал ты к нам великому государю майя в 27 день с стряпчим конюхом с Федкою Карманом, что хочешь писать в перемирную запись на чом вечному миру быть и уступаешь Черкасских городов. И тебе б кроме перемирья не делать, а перемирия делать по статьям, каковы посланы с подячим с Юрьем Никифоровым и уступку чинить по тем статьям, а впредь воли Божьи никто не доведывался да и мы судеб Божьих ведать опасаемся. И тебе б отнюдь не делать, кроме перемирия, и вечной мир положить на волю Божью. А будет учинишь мимо сего нашего государева указа, и та запись будет не в запись. А что пишешь клятвы и брани полских комиссаров, и тебе б про то писать ко младенцем. И те тебя обесчестят за такое малодушие. И верили тебе во всем, а ныне впрямь узнали, что не на Бога уповаешь, на свой великой, славной, пременной, непостоянной ум, в нем же и со всем совершися без воли Божии, аще не покаешия. Писан в царствующем граде Москве в наших царских полатах. Лета 7174, мая в 31 день»****.

Но уповая на Бога, царь с грустью взирал на неискренность, эгоизм и своекорыстье ближайших своих помощников в деле государственного управления — бояр. В том же письме к кн. Алексею

---

* Изд. г. Ламанского. стр. 744–745.

** Там же, стр. 749.

*** Государственных Архив, XXVII разр., № 278.

**** Государственный Архив, XXVII разр., № 128.

Никитичу Трубецкому, от 31 мая 1654 г., которое мы уже приводили выше, находим грустные размышления царя на тему о том, что окружавшие его ехали с ним «отнюдь не единодушием, наипаче двоедушием, как есть оболочка, овогда благопотребным воздухом и благонадежным и уповательным явятся, овогда паче же зноем и яростию и ненастьем, всяким злохитренным обычаем московским явятся, овогда злым отчаянием и погибелью прорицают, овогда тихостью и бледостью лица своего отходят лукавым сердцем»*. В одной рукописи мы читаем о царе Алексее Михайловиче следующий отзыв: «бысть же и во словесех премудрости ритор естествословесен и смышлением скороумен»**. Но если даже все время иметь в виду, что царь — человек начитанный, охотно вставлявший книжные речения в свои писания***, а книжные речения эти, понятно, могли до известной степени сгущать краски и, в ущерб точности излишне стилизируя мысль, не достаточно отчетливо передавать ее — нельзя, однако, не видеть, что в основе делаемых царем заявлений лежало убеждение, как результат личной мысли и личных наблюдений. Двоедушие, о котором писал царь, являлось в его глазах «злохитренным московским обычаем». Царь не только сам был убежден в этом, но не сомневался, что и для других тут нет никакой тайны. «Малое что в путь идет, а то всегда на гогульную²² статью: все в рознь, а сверх того сами знаете обычи их»****, — писал он в том же письме к Трубецкому.

Тут будет вполне уместно, в виде примера этих «злохитренных обычев московских», так огорчавших царя, представить следующий факт. В 1658 г., в так называемое Виленское посольство царь назначил кн. Никиту Ивановича Одоевского, Петра Васильевича Шереметева, кн. Федора Ивановича Волконского, думного дьяка Алмаза Иванова, дьяка Ивана Патрекеева*****. При

---

* Изд. г. Ламанского, стр. 716.

** «Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции», изд. Попова, М. 1869 г., стр. 211.

*** Понравившееся царю выражение он охотно повторяет. Например, в письме к Никону от 1652 г. (Акты Археографической Экспедиции, IV, 57) читаем: «да не покроет мя тимения глубины грехов моих». В грамоте в Савинский монастырь, вероятно, того же года, читаем: «да не покрыют мя тимения глубины и низведуся до ада». (Изд. г. Ламанского, стр. 696). Царю понравилась следующая мысль: он вскоре возвратится из дохода и «вех людей от печали возвеселить и утешить», и вот мы находимее вряд писем к различным лицам. (Изд. г. Ламанского, стр. 720, 721, 729 и т. д.).

**** Изд. г. Ламанского, стр. 716.

***** Дополнение к III т. Дворцовых Разрядов, стр. 131.

отпуске кн. Одоевский возбудил вопрос о том, писаться ли ему «с товарищи» или «по имяном». Царь приказал поговорить об этом комнатным боярам, в число каковых входил и Одоевский; бояре приговорили писаться кн. Одоевскому «с товарищи». Но при первом же случае Шереметев и Волконский оскорбились этим умалением достоинства. Кн. Одоевский смутился и, ища выхода из положения, решил сделать новый запрос в Москву, при чем в письме к царю стал просить отмены бывшего при отпуске боярского приговора и нового по данному вопросу указа. Вот что ответил на это царь: «И как мы, великий государь, вас, бояр, из царствующаго великаго града Москвы из соборные и апостольские церкви отпускали, и тогда нас, великого государя, ты, боярин наш, докладывал: как тебе к нам, великому государю, писать, с товарищи ль или по имяном. И мы, великий государь, указали о том говорить бояром нашим комнатным всем. А ты, боярин наш, князь Никита Иванович, в приговоре тут был же, и приговорили писатца с товарищи. И мы, великий государь, по вашему боярскому приговору, а не по новому образцу, указали писатца с товарищи. А ныне просишь ты нового приговору, чтоб до тебя, боярина нашего, товарищи твои новым приговором советнее и любительнее были, а наш бы великого государя указ и ваш боярский приговор переделан был. И то мы, великий государь, ведаем же подлинно, что товарищи твои, боярин Петр Васильевич Шереметев да боярин князь Федор Федорович Волконской сетуют, чают того, что наш великого государя указ велено писать с товарищи будто что за опалу, и о том оскорбляются гораздо и пишут в грамотах к друзьям своим, чтобы у нас, великого государя, друзья их заступали, будто что опалные. И то пишут они не делом: наш великого государя указ был по вашему боярскому приговору, а не для иново дела. И тому Бог будет мститель в страшный свой и грозный день²³, кто нас, великого государя, озлобляет к людем и кто неправдою к нам, великому государю, и к вам, бояром нашим, выписывает в доклад. А Аристотель пишет ко всем государем²⁴, велит выбирать такова человека, которой бы государя своего к людем примирял, а не озлоблял. И о том тебе, боярину нашему князь Никите Ивановичу, и писать не довелось, потому что наш великого государя указ на ваш боярской приговор был. И то мы, великий государь, ведаем же, о том писал для очистки от товарищей своих, чтоб товарищи... на тебя не досадовали. А преж сего наши, великого государя, указы и ваши боярские приговоры бывали крепки и постоянны. И мы, великий государь, яко царь христианский, отставя несправчивые выписки и доклады и двоедушные речи, милосердуя и желая того, чтобы везде на наших, великого государя, службах вы, бояре и великие послы,

так же и ратные люди, служили со всяким усердием и радостными сердцами, кроме всякие печали» ...*

Двоедушие, лукавство, своенравие, отсутствие у окружавших царя желания работать «всем сердцем к царю», замечаемое им стремление служить и радеть «корыстной деньгой и бездушеством», а не «верностью и постоянностью» — обычные темы рассуждений царя, любимый мотив, к которому он возвращался при всяком случае, очень часто собственноручно работая над надлежащим разъяснением этой весьма важной в его глазах мысли. Несмотря на всю отрывочность сохранившихся данных, можно с отчетливостью проследить, что царь ясно сознавал, чего добивался от служивших ему, и что он искренно огорчался, если видел, что его не хотят понять. «Выдаешь ты наш обычай — писал царь Бутурлину — «кто к нам не всем сердцем станет работать, и мы к нему псами с милостью не вскоре приразимся»**. «От века того не слыхано, чтобы природные холопи государю своему вратном деле в находках и в потерках писали неправдою и лгали» — так вписал царь собственноручно в составленную в Приказе Тайных Дел укорительную грамоту кн. И. И. Лобанову-Ростовскому. В этой же грамоте находим и следующую собственноручную приписку царя: «да то не отговорка про приступ, что ты сказал Ивану Кольчеву, что затем не писал к нам, великому государю, что будто бы у тебя подъячих нет. И так отговариваютца ябедники и обышняя людишка в приказах на суде, кождо с своим братом перед непутным же судьєю, который Бога не боится и нашего государева страху не имеет, а не вас, холопей наших, да государевых и родословных людей такое беспутное и ябедническое оправдание. Хочещи ли своими словами прав быти, что у тебя подъячих нет, а в полках рейтарском и в солдацких ротные писари есть? За что не взять на время и отписки им написать, и к нам, великому государю, прислать? Зачем так не учинено, рабе Божий? Время прямою виною покрыватися и впредь усердство показывать доброе, а не лукавством и неправдою оправдатися. От своих уст и словес осуждаешься и обесчестуешься и сам себе неправдива и безчестна твориши»***. Эта тирада имеет общее значение. Признавая, что обышние людишки, отстаивая личные интересы по разным приказам, могут отговариваться, как ябедники, царь ужасается, что

---

* Государственный Архив, XXVII разр., № 127. Во время приготовления нашей книги к печати это дело не находилось в Архиве на месте. Приведенный в тексте документ (конца не достаёт) мы цитируем по соч. А. Барсукова «Род Шереметевых», т. IV, Пет., 1884 г., стр. 421–423.

** Изд. г. Ламанского, стр. 732.

*** Там же, стр. 744.

таким же путем хочет идти родословный человек, служащий царю, делающий государево дело. Родословный человек, который тем самым есть природный холоп государев, поступая, подобно обышному человеку, показывает, что он не боится Бога и не имеет государева страха. «И так делают недумные и худые люди, а думным нашим великого государя людем ложно писать не довелось» — читаем мы в том же письме*. Представление о том, что царь считает настоящей себе службой, и противоположение этой настоящей службы службе не настоящей, достаточно ясны и из следующего собственноручно царем написанного документа. Это — отрывок черновой грамоты каким-то Ваське и Тишке. «И довелось было дать четвертное и годовое жаловане, — читаем мы тут, — а за то, что бьет челом с укором и невежливо, отказать во всем». Далее читаем, что Васька и Тишка напрасно приравнивают свою службу к службе Московских голов, «потому что многия ему Государю кровию обагрилися, а которые и не обагрилися, и они ему великому государю во многих службах и во всяких делх объявились верны и непостоятельны безо всякие льсти». Далее читаем: «и то, знатно, что хотите служить и радеть корыстною деньгою и бездушством»**.

Но если находился человек, который своей службой подходил к представлению царя об истинной ему службе, царь высказывал

* Изд. г. Ламанского, стр. 743.

** Государственный Архив, XXVII разр., № 338. Данный документ, несомненно, заслуживает быть напечатанным целиком. Это — четвертушка бумаги, исписанная царем с обеих сторон. Слова в скобках означают у нас слова, в подлиннике зачеркнутые, слова в кавычках — слова, вписанные над строкой. «Государь указал (по) сказал (отказал): и довелось «было» дать четвертное и годовое жаловане, а за то, что бьет челом с укором и невежливо, отказать во всем. А что «в челобитье» своем указываете во всем на Московских голов в подмоге и в запасех, и вас с Московскими головами сверстать (нельзя) немочно, потому что многие «ему государю» кровию обагрилися, а которые и не обагрилися, и оне (нам) ему великому государю во многих службах и во всяких делех объявились верны и постоянны безо всякие льсти. А вас государь изволил взыскать, тебя, Тишку, и тебя, Ваську, не по вашей мере и не (за ваши) по вашей службе (страдничью). Твоя ведаемая Тишкина служба (как ты выманил «жалованье» в тот полк добивался... водной). И то знатно, что хотите служить и радеть корыстною деньгою и бездушством. (И мы, великий). И Государь указал тебе, Тишке, (быть) за твою дальнюю волокиту (ихаотн) и что «с радостью» до Колуги доехать боиися (оборот листа) по прежнему в капитанех и быть в Новгороде. А тебе, Васке, за тое же службу, что (не) похотел «с радостью до Колуги не доехал» (государской милости чево век родители твои) быть в Новгородском Розряде²⁵ в третьем полку в рядовых ройтарех. А прежде сего и городовому Головин рад был, не токмо Московскому».

таковому свое благоволение иногда в самых трогательных выражениях. Мы не станем приводить выдержек из писем царя к его любимцам. Матвееву, Нащокину и др. — эти письма общеизвестны. Но вот, например, собственноручная приписка царя к боярину Карпову: «хотя все тебя позабыли, однако мы, государь, за твою работу прежнюю к нам и нынешнюю не позабыли, за милостию Божию и впредь не покинем»*. Когда царь узнал, что кн. Юрий Барятинский и Иван Чаадаев, чиня промысл сообща с Василием Шереметевым, были у последнего во всяком послушании, а промеж себя жили в совете и любви, царь написал им милостивую грамоту, в которую, между прочим, включил: «а служба и раденья ваши у Бога и у нас, великого государя, николи забвенны не будут»**. Напомним известное письмо к кн. Одоевскому, заключающее в себе известие о смерти его сына***. Напомним, наконец, ту грамоту к кн. Юрию Долгорукому, где царь, после многих милостивых слов, имевших целью побудить воеводу к дальнейшей усердной службе, приписал своей рукой: «раб Христов и тленен царь Алексей всякаго добра желаю, а наипаче тебя, боярина и воеводу, похваляю... что дело Божие и наше государево делаешь с великою радостью, а наипаче всего памятно и с крепостью»****.

Царь имел вполне определенные взгляды и на боярство. Мы уже видели, что думных и родословных людей он отличал от «обышних людишек» и считал их природными государевыми слугами. В одной из грамот к боярину Василию Борисовичу Шереметеву мы находим весьма подробные рассуждения по этому вопросу. Боярин, по смыслу этого рассуждения, у великого государя не втуне, а для того, чтобы исправлять всякую государеву службу с чистым сердцем и со всяким радостным послушанием. Боярская честь вечна и дается произволением великого и вечного Царя и небесного Владыки и тленным призыванием государя. Но хвалиться породной честью и надеяться на нее крепко непристойно. Царь далее ставит вопрос: «твоя боярская честь почему не просто?» На вопрос этот царь отвечает так: «ведомо тебе самому, как, по изволению Божию, наш государской чин пребывает и над вами, честными людьми, боярская честь совершается». Не просто Бог, — говорит царь далее — «изволил нам, великому государю и тленному царю, честь даровати а тебе принять, и тебе о том должно ныне и впредь Творца своего и Зиждителя

---

* Изд. г. Ламанского, стр. 740.

** Там же, стр. 756.

*** Там же, стр. 702–706.

**** Там же, стр. 762.

и всех всячески Бога восхваляти и прославляти и нашим, великого государя и тленного царя, жалованьем утешаться и радоваться Творца своего милости, наипаче ж и о том, что наше государское сердце за твою к нам, великому государю, службу обратил к тебе ко всякой милости; писано бо есть: сердце царево в руце Божии»^{*}. Рассуждение написано витиевато, весьма пространно, испещрено текстами, местами туманно, а, может быть, в виду некоторой щекотливости вопроса, и сознательно затуманено, но основная мысль ясна: боярство — природная честь, но не в том его главный смысл, а в том, какова служба данного лица царю, потому что «сердце царево в руце Божии». Кого из бояр царь жаловал, тому он мог оказать самые высокие милости, только бы боярин уповал на Бога и на царя был надежен^{**}. Кого царь не жаловал, то хоть и имели те «родителей своих в боярской же чести, самим же и по смерть свою не приемшим той чести»^{***}. В какой мере царь сознавал, что смысл боярства исключительно в его царевой милости, мы не можем не видеть из грамоты к кн. Юрию Долгорукому. Славный воевода, на которого царь возлагал большие надежды, как ведомо стало царю, переписывался с своими друзьями, а царю в то же время не написал ни единой строки. Царь отказался понимать такой образ действий, так как было бы совершенно неосновательно со стороны Долгорукого, если бы он на друзей своих рассчитывал более, чем на царя: И царь добродушно высмеял князя, написав ему: «ведаешь ты сам, что разве будет ныне у тебя много друзей стало, а преже сего мало было, кроме Бога и нас, грешных... и те (друзья, ей-ей, про тебя ж переговаривают да смеются»^{****}.

Все приведенные выписки взяты нами из переписки царя по Приказу Тайных Дел. Из документов однородного значения мы отдавали предпочтение тем, на которых имеются наглядные следы личного творчества царя. Таким образом, перед нами определяется следующее мировоззрение: царь представляет собой единое неразрывное целое с государством и вместе с государством имеет единого Заступника и Помощника — Господа Бога; все свершается в государстве усердием к Господу и бесхитростной верой в Него, а не силой и не славой людской. Бояре — природные слуги государевы и должны служить царю, прилепляясь к нему и его государеву делу всем сердцем; не должны они полагаться ни друг на друга,

---

* Изд. г. Ламанского, стр. 750–755.

** Там же, стр. 706.

*** Там же, стр. 750.

**** Изд. г. Ламанского стр. 757.

ни на родовую честь свою, а только на милость цареву; царь умеет ценить ревностную службу, но он не прощает обмана, высокоумия, двоедушия; за проявление таких свойств каждый понесет наказание на земле от царя, а Богу ответит на страшном суде.

Едва ли нам нужно входить в дальнейший анализ указанного мировоззрения царя. Нам важен самый факт, что определенное мировоззрение существовало, что у царя сложился ряд наблюдений и под влиянием таковых составилась ряд общих положений, к которым царь охотно возвращался. При этом нам очень важен и тот факт, что царь лично принимал участие в самом изложении своих мыслей; частью сам писал, частью поручал другим, чтобы потом дополнить, исправить, а дав исправленное переписать, вновь по переписанному дополнить и исправить.

Но возникает вопрос: быть может, все приведенные выписки устанавливают только, что царь Алексей Михайлович любил поучать, удовлетворяя этим часто наблюдаемой в людях черте характера. Быть может, царь просто находил удовольствие в литературных упражнениях на несколько тем, в которых, благодаря ли начитанности своей, благодаря ли наклонности к отвлеченному мышлению, он чувствовал себя достаточно сильным? Если бы это было и так, значение приведенных фактов для нашей цели осталось бы все тем же; — и в таком случае царю нужна была бы канцелярия. Но мы думаем, что царь не только учительствовал. Учителство, как черта характера, царю Алексею, правда, было не чуждо. Например, мы знаем из одного письма его к Одоевскому, что царь, жалуя Одоевского, иногда писал ему «как жить мне, царю, и вам, бояром»*. Но во всех тех случаях, которые приведены выше, царь брался за перо, видимо, побуждаемый исключительно реальной необходимостью: или воеводы одержали победу, или понесли поражение, или открылось злоупотребление, или ожидалась определенная опасность и т. д.

Мы думаем, что легко уловить и ту общую, вполне реальную побудительную причину, которая должна была развить именно эту сторону деятельности царя, раз оказалось, что у него к ней имеется известное стремление. Такая причина — внутреннее состояние боярства при царе Алексее Михайловиче. Боярство при нем уже не представляло из себя сплоченной силы, которая вела бы борьбу или пыталась бы вести таковую из-за боярской идеи. Но тем более было простора эгоистическим стремлениям отдельных представителей боярства. Правление Филарета²⁶ наложило узду на эти

---

* Изд. г. Ламанского, стр. 706.

стремления, но не сделало их несуществующими. В последние годы царствования Михаила Феодоровича и в первые годы царствования Алексея Михайловича эти эгоистические стремления проявились с новой силой. Эти стремления, в применении их к службе царю, можно было бы охарактеризовать совершенно теми же словами, которыми охарактеризовал в 1657 году Артамон Матвеев службу польской знати: «нет того, чтоб поболеть о государстве, а просят, прежде всего, чести и подарков больших»*. Так писал царю Матвеев о Польше, но мы не можем не видеть в этом представлении Матвеева об истинной службе, как о «болении» о государстве, отзвука интимных бесед Матвеева с царем, взглядов самого царя. Царь отождествлял себя с государством, отождествлял всецело и без малейших уступок. Если не заставить, то убедить боярство, двоедушие и злой Московский обычай которого он сознавал, в необходимости болеть о государстве, т. е. всем сердцем отдаваться государеву делу, «безо всякие лести, со всею крепостью, верностью и постоянностью» — задача эта была не из легких, но задача вполне реальная, которая к тому же, раз царь сознал ее и вознамерился осуществить, должна была создать для него необходимость много и постоянно работать.

А царь сознал ее. Да если бы сами обстоятельства не навели его время от времени на необходимость обратить особое внимание на эту задачу, около царя был человек, который при каждом случае и по разным поводам повторял царю одно и то же: нет людей у царя, мало у царя настоящих промышленников. Этот человек — Ордин-Нащокин. Излюбленная мысль последнего может быть выражена так: всякая удача — дело государева счастья, всякая неудача — следствие отсутствия способных и надежных людей.

Конечно, трудно сказать, к каким выводам приводили царя его личные наблюдения, а к каким суждения Нащокина. Так, мы знаем несколько довольно резких отзывов царя о различных боярах его времени. Например, о кн. Никите Ивановиче Одоевском царь писал Долгорукому: «чаю, что князь Никита Иванович тебя подбил, и ево было слушать напрасно; ведаешь сам, какой он промышленник»**: кн. Хованского царь определил еще резче: «я тебя разыскал и выбрал на службу, а то тебя всяк называл дураком»***. Из приведенных выше писем царя о злокозненном Московском обычае и о боярском двоедушии видно, что царь иногда и обобщал свои наблюдения над отдельными лицами, видя в этих наблюдениях материал для общих

---

* Цитируем по Соловьеву, История Российская, III, стр. 33.

** Изд. г. Ламанского, стр. 757.

*** История Соловьева, т. III, стр. 615.

выводов. Но несомненно, что Афанасий Лаврентьевич Нащокин, как можно уловить из его переписки с царем, всегда настойчиво возбуждал в царе тревогу подобного рода. Иногда Нащокин доходил в этой настойчивости до того, что царь обращался к нему с укором. Например, в сентябре 1658 г., когда Нащокин написал царю, что «полоцких и псковских воивод нерадением рати удержаны и к промыслу не допущены, а от князя Ивана Хованскаго и впредь промыслу не будет», царь послал сказать ему, «чтоб он, Афонасей, впредь к великому государю в отписках своих тово не писал»*.

Историки уже достаточно выяснили как светлые, так и темные стороны характера Нащокина, достаточно разъяснены и его отношения к отдельным деятелям, его современникам**. Но указанная сторона влияния Нащокина, быть может, нуждается еще в некоторых разъяснениях. Мы думаем, что, при всей осторожности и некоторой неуживчивости, Нащокин вел борьбу против целого ряда лиц далеко не из личных соображений. Трудно сказать, насколько отчетливо понимал он, что собственно надо сделать, чтобы дела государства шли с большим успехом, но он вполне понимал ошибки отдельных лиц и, улавливая эти ошибки, подходил к ним с общей, а не с личной точки зрения, хотя, быть может, личное раздражение иногда и заводило его слишком далеко. Едва ли не так именно относился к сообщениям Нащокина и царь: пока Нащокин не доводит своей настойчивости в обличениях до крайности, царь внимательно вслушивался в то, что говорил ему его любимец. Когда же эта настойчивость начинала переходить те пределы, в каких царь, сообразно с своим характером, мог решиться на какие-либо меры, царь останавливал Нащокина.

Переписка Нащокина с царем настолько счастливо для нас сохранилась, что по ней мы вполне можем проследить все только что изложенное. Так, во всех нам известных отписках Нащокина от 1657–1658 гг. из Царевичева-Дмитриева²⁷, где тогда Нащокин был воеводой, мы встречаем неизменные указания на промахи, медленность, неосмотрительность, нерадение порубежных воевод²⁸, главным образом — полоцких и псковских. «Во всю, государь, полтора годы, по твоему великого государя указу, — писал он, например, в отписке от 2 апреля 1658 г. — беспрестанни мое, холопа твоего, письмо во Псков и в Полотеск, и твоих великого государя псковских и полоцких ратных людей приводом в Лифлянты промысл не учинен,

---

* Государственный Архив, XXVII разр., № 128.

** Соловьев, т. III; а также известная работа проф. Иконникова об Ордине-Нащокине, Русская Старина, 1883 г., т. XL.

и тем Рига ко взятию удержана, и крови многие наведены и разоренья от Шведов, што было им во псковских местах, и не бывать... Твое, великого государя, крестное целованье молчать мне, холопу твоему, не даст»*. Этот мотив, т. е. указание на то, что крестное целование не позволяет ему скрывать от царя истинных виновников затруднений данной минуты — является основным и в отписках 1657 г. и в отписках после апреля 1658 г., до сентября того же года. Например, в отписке от 15 сентября 1657 г. читаем; «велено мне, холопу твоему, проведать, Дацкой король с Свейским королем войну впрямь-ли зачел... а проведав и свестясь с воеводою со князь Осипом Щербатово с твоими великого государя ратными людьми над Свейскими Немецкими ратными людьми, которые, вышед из Риги, живут по островам, промысл чинить вместе... а по многому мне, холопу твоему, ведомо, карабли воинские Датского короля в июле месяце потходили блиско шансов³⁰ устья Двины реки, а промыслу над ними не чинили... И твой великого государя указ присылкою ратных людей не исполнен. А чтоб, государь, у меня, холопа твоего, с воеводою, со князь Осипом Щербатово розни ни в чем не было, а только, государь, впредь он, князь Осип, как ныне походом своим промысл так-ж учнет чинить, и, помня твое, великого государя, крестное целованье, не извык я, холоп твой, в таких службах быть». Затем Нащокин набросал общую характеристику своих отношений по службе вообще и к сослуживцам в частности: «Богу и тебе, великому государю, ведомо: с полоцкими и со псковскими воеводы во все годы спор у меня, холопа твоего, не боясь их силы и гроз, и за то твоя, великого государя, неизреченная милость ко мне, беззаступному³¹ холопу твоему; в твоих, великого государя, грамотах написано: велено служить мне, холопу твоему, отложая всяк страх и быти надежду и бесстрашну паче прежнего, и в твоих, великого государя, делах выдан я, холоп твой, никому не буду». Перечисляя далее свои заслуги, Нащокин замечает: «и в твою, великого государя, казну многие тысячи собрал, во всех местех, где было, сильным людем корыстоватца не дал»**.

С незначительными людьми, на ошибки или злой умысел которых указывал Нащокин, царь расправлялся быстро, энергично, иногда по одному слову Нащокина. Так, в феврале 1658 г. Нащокин

---

* Архив Министерства Юстиции Московский стол, столбец²⁹ № 279, л. 122.

** Архив Министерства Юстиции, Московский стол, столбец № 279, л. л. 15–16. Эта отписка напечатана в «Актах Московского Государства», II, № 1002, но, например, с следующей неточностью: вместо «выдан никому не буду» — «ведан никому не буду».

написал царю, что Борисоглебовский воевода³², Федор Баскаков, не шлет в Царевичев Дмитриев затребованной Нащокиным остаточной казны и вообще хочет жить своим умом: «на свой нрав в строенье ставит, что к твоему, великого государя, полковому делу к удержанью»*. В тот же день, как эта отписка была получена царем (11 февраля), царь велел написать указ капитану Захарову, находившемуся на службе у Нащокина, с предписанием немедленно поехать в Борисоглебов, позвать в съезжую избу воеводу, сказать ему царский указ и бить его нещадно батогами**. Мы знаем и другое, несколько похожее на это, дело, а именно о воеводе Окуневе, которого Нащокин обвинил в незаконных поборках с жителей и других злоупотреблениях. 19 декабря 1657 г. была получена жалоба от Нащокина, а 26 декабря (промедление произошло за праздниками) царь послал указ, которым поручал Нащокину произвести розыск и учинить виновному наказание***.

Но царь не мог так же поступить и с кн. Хованским и с кн. Щербатовым, против которых, главным образом, вооружал тогда его Нащокин. Приходилось мирить их, тем более, что «иных промышленников, как не бывало». Другими словами: тревога, возбужденная в царе Нащокиным, оказала свое влияние, но надо было считаться с обстоятельствами, так как другие промышленники не лучше. Приводить обе стороны к любви и согласию был поручено подъячому Тайного Приказа Юрию Никифорову, который был отправлен с перемирными статьями к послам (Прозоровскому и Нащокину). 27 сентября 1658 г. подъячий виделся с кн. Ив. Андр. Хованским и убеждал его «на одине» служить царю, отложив личные счеты и не ссорясь с людьми, с которыми должен делать общее дело. Кн. Хованский объяснил, что причина всему — Нащокин, что «как съехався с ними (Прозоровским с товарищами, послами) Афонасей Нащокин, и с тех мест пишут к нему столнику и воеводе, что к иноземцу с большими затевками». Хованский объяснил так же, что, в сущности, «большой вражды у него с ним (Нащокиным) нет, только что на писме друг у друга ума отведывали». 28 сентября 1658 г. Юрий Никифоров виделся «на одине» с Нащокиным и укорял его от имени царя в излишней резкости. Нащокин ответил на это, что он не может поступать против крестного целованья и не может со спокойным сердцем смотреть на то, как по неспособности утеривается государево дело. В заключение он высказал следующее общее положение:

---

* Там же, л. 114.

** Там же, л. л. 57, 92–94, 133–135, 180, 45.

*** Там же, л. л. 52 и 56.

«во всяком деле сила промысл, а не то, что собрано людей много да промышленника нет; и Шведы, видя таких промышленников, говорят, чтобы половину рати продать да промышленника купить»^{*}.

Мы остановились на этих эпизодах, считая их характерными. А таких эпизодов можно было бы привести не мало. Так, в отписке 1659 г., где Нащокин высказывался за необходимость широких преобразований в военном строе, он, между прочими общими соображениями, указывал, что надобно на рубежах иметь знающих полководцев, намекая этим, очевидно, на отсутствие таковых в его время^{**}. В ноябре 1660 г., когда Нащокин вел переговоры со шведами о мире, он, в одном из писем «по литорее»³³, между прочим, писал: «многие вершатся твой великого государя дела твоим великого государя счаstem, а того не видят, какие великие твой великого государя дела неразумием, корыстию да злобою утериваюца»^{***}. Около того же времени прося о том, чтобы царь отозвал его от шведского посольства, Нащокин писал: «за твое государево дело я со многими остудился и за то на меня на Москве от твоих думных людей доклады с посяганьем и из городов отписки со многими неправдами, и тем разрушаются твои государевы дела, которыя указано мне в Лифляндах³⁴ делать»^{****}. Такие и им подобные указания Нащокин делал царю беспрестанно; можно сказать, что во всех областях государственной жизни, с какими по роду службы приходилось ему соприкасаться, он усматривал только все новые подтверждения своим основным положениям. Например, когда он был воеводой в Пскове, он начал указывать царю на неустройство в Новгородской Чети. Повторим хотя бы довольно часто цитируемое место из одной из его отписок этого времени; «своего царского величества праведнаго гневу на меня, холопа своего, не вели положить, что челобитная с памятьми и с статьями³⁵ не в Новгородскую Четь, но в Приказ Тайных Дел послана, для того: во Пскове, Государь, великое нестроенье меж людьми во многих делех, из Новгородские Чети дают им грамоты, кто о чем бьет, а по прежним их челобитным за отпуски свои в Приказе не стоят и в Московской волоките и в убытках Псковских, перекупаясь в Приказе, разоренье великое над посадцкимн людьми, а в оскорблении своем от бедности не имели чем себе помочи учинить. Добра была Псковичам расправа и заступление у Ивана Тарасьевица и у Григорья Васильевича; или в Чети

---

* Государственный Архив XXVII разряд, № 128.

** Соловьев, III, стр. 43.

*** Государственный Архив, XXVII разряд, № 128.

**** Цитируем по Соловьеву, III, стр. 72.

умножело городов? за то раззоренье такое?» * Общеизвестны его нападки на порядки Посольского приказа, когда царь поставил его во главе этого учреждения. Нащокин не затруднялся подтверждать свою мысль примерами из практики даже таких учреждений, к которым по службе своей не имел прямого отношения. Например, докладывая царю в одной из отписок о необходимости составить новый полк, который можно было бы отправить в Малороссию, Нащокин попутно в достаточно резких чертах отозвался о злоупотреблениях в Рейтарском приказе **³⁶.

Предполагаем, что царь далеко не всегда принимал все эти заявления Нащокина близко к сердцу, но ясно, что такое настойчивое подчеркивание в течении целого ряда лет, в сущности, все одной и той же мысли, притом — со стороны человека, которого царь ценил и которому верил, не могло не оказывать известного влияния на образ мыслей царя. От всей массы подобных указаний непременно должен был оставаться известный след, и царь должен был приходиться к сознанию, что на его долю выпала серьезная и сложная работа. Быть может, иной человек, не царь Алексей, решился бы на пересмотр всего положения дел и пришел бы к необходимости коренных реформ. Но царь Алексей поступал иначе: где не представлялось серьезных затруднений, вооружался против отдельных личностей, где такие затруднения представлялись, он брался за перо, чтобы попытаться усоститить тех, кто являлся ближайшим образом ответственным лицом в данном определенном случае. Вместе же с этим накапливался материал для общих положений, необходимость излагать которые снова заставляла царя браться за перо.

Таким образом, царь Алексей Михайлович является нам именно таким царем, около которого не только могла, но и должна была образоваться особая канцелярия, чтобы помогать ему в вышеописанной взятой им на себя работе. И именно — канцелярия, а не группа близких людей, которые были бы и советниками, и друзьями царя. Советникам и друзьям царь вверял многое; но в том направлении, в каком в данном случае шла работа царя, близкие люди и друзья были бы не теми помощниками, в которых царь нуждался. Предполагаем самое совершенное понимание этими близкими людьми и друзьями указанных руководящих идей царя — помощь, на которую со стороны таких людей должен быть бы рассчитывать царь, была бы совершенно иная, куда более

---

* Дополнения к Актам Историческим, V, I, VI.

** Государственный Архив, XXVII разряд, № 128.

высокого порядка: эта помощь заключалась бы в проведении идей царя в жизнь, при отправлении службы на ответственных постах и при исполнении ответственных поручений. Во что разовьется такая канцелярия и какие дальнейшие задачи окажется возможным возложить на нее — этим вопросом едва ли задавался царь, собирая вокруг себя писцов. Но существовала потребность, и царь не мог встретить никаких затруднений при вопросе, как удовлетворить ее. Иное царь писал сам, иное по имевшимся уже образцам, или под диктовку царя, или по общему замыслу царя должны были писать постепенно привыкшие работать при царе и с царем писцы, а когда написанное или переписанное докладывалось царю, царь иногда все переделывал заново. Как мы можем убедиться из дошедших до нас рукописей, царь иногда только после третьего или четвертого списка останавливался на редакции бумаги, но и в таком списке находил нужным вставить фразу, зачеркнуть слово, переставить один абзац на место другого.

Но, как мы выше сказали, все те данные, на которых мы основываем наше построение, относятся ко времени, лишь начиная с 1654 г. Работал ли царь так много и раньше? Быть может, и меньше, чем работал потом, но несомненно работал. Мы вправе это заключить из уже цитированного письма к Никону от мая 1652 г., где царь, между прочим, указывает, что временами он писал до усталости. А ведь нет оснований думать, что хоть царь иногда и работал до усталости, но это стало случаться с ним только с 1652 г. Тем более, что мы все таки знаем некоторые документы от 1646–1648 г. г., носящие следы инициативы и мысли самого царя. Например, уже цитированные заручная челобитная и письмо о воскресном дне. Скажем больше: мы бы нисколько не удивились, если бы кто-нибудь нашел данные, заставляющие предполагать, что существовала особая канцелярия еще при деде царя Алексея, при патриархе Филарете. Так, до нас дошли указания, что патриарх собственноручно чернил³⁷ иные грамоты; например, грамоты на Дон с запрещением продолжать набеги на крымские и турецкие города, грамоту туда же с выговором за нарушение этого запрещения*. Нам пришлось видеть также собственноручно написанную патриархом для думного дьяка Ивана Грязева тайную азбуку — «азбука и склады затейным писмом для своих государственных и посольских тайных дел»**. Самое

---

* Донские дела (Русская Историческая Библиотека, т. XVIII), стр. 298 и 314.

** Архив Министерства Иностранных Дел, Приказные Дела Старых Лет, 1633 г., № 23. Об этой азбуке см. также Попова, Записки Археологического Общества, т. V, «Прибавление к статье о дипломат. тайнописи».

указание это на «свои государственные и посольские тайные дела» достаточно многозначительно и, быть может, даже без дальнейших материалов могло бы показывать, что особая канцелярия при царе Алексее — далеко не совершенная новинка.

Отметим, еще одну категорию обстоятельств. Из рассмотрения рукописей, относящихся ко времени до 1654 г. и найденных теперь среди дел Тайного Приказа, мы отчетливо можем проследить руку Дементия Башмакова и Григория Ключарева, например, по документам 1652 г. Почерки XVII века очень походят один на другой, но почерки Башмакова и Ключарева, как впрочем, и почерк самого царя Алексея Михайловича, отличаются многими характерными особенностями. И Башмаков, и Ключарев были тогда подьячими Большого Дворца, подьячими же Большого Дворца, как мы уже выше говорили, они были, первый — еще в конце 1654 г., второй — еще в конце 1653 г. Это дает нам основание подозревать, что те писцы, которые группировались около царя раньше, чем был учрежден Приказ Тайных Дел, набирались из числа подьячих Большого Дворца. Рядом с этим мы должны обратить внимание и на следующие факты: общеизвестны документы о последствиях морового поветрия 1654 г. (первый из них относится к декабрю 1654 г.); из них мы видим, что собирание сведений велось через Бутурлина и дьяка Дементия Башмакова*. Бутурлин, как видно из тех же документов, ведал тогда Большой Дворец, а Башмаков только, очевидно, около этого времени был сделан дворцовым дьяком, так как еще после сентября 1654 г. был дворцовым подьячим**. Но тот же Дементий Башмаков, как нами указано в «Приложении»³⁸, был первым дьяком Приказа Тайных Дел. С какого именно времени получил он это назначение, мы не знаем, но в июне 1656 г. он уже, несомненно, ведал Тайный Приказ***. Между тем из известного дела о злоупотреблениях Олонецких воевод (относится к началу 1658 г.) мы узнаем, что отписки по делу было велено подавать в Приказ великого государя Тайных Дел окольниковичему Федору Михайловичу Ртищеву да дьяку Дементью Башмакову****. Ртищев же в 1658 г. ведал Большой Дворец*****. Наконец, мы знаем из переписки Афанасия Нащокина с Тайным Приказом от марта и сентября 1658 г., что Ртищев и в это время продолжал иметь касательство к Приказу

---

* Дополнения к Актам Историческим, III, 119, LXXXI–LXXXIII.

** Доп. к А. Ист., III, 119, XXIX.

*** См. «Приложения».

**** Доп. к А. Ист., IV, стр. 399 и 400.

***** Памятники Дипломатических Сношений, III, стр. 769 и 819.

Тайных Дел*. Объединяя все эти данные, мы естественно приходим к выводу: Приказ Тайных Дел организовался из канцелярии, бывшей при царе ранее, но и канцелярия эта, а затем в течении некоторого времени и Приказ были лишь как бы новым отделением Приказа Большого Дворца. Даже и тогда, когда Приказ получил особого дьяка, он продолжал еще оставаться на ответственности лица, ведавшего Приказ Большого Дворца. Признак весьма характерный. Он показывает, что развитие Приказа из канцелярии шло довольно медленным, во всяком случае, постепенным путем. А ведь все это совершалось бы совершенно иначе, если бы Приказ был выдвинут, как определенная мера против определенных явлений, тем более — в виду определенных событий.

Высказанное можно подкрепить еще следующим. Изучая дела Большого Дворца первых десяти лет царствования Алексея Михайловича**, мы не могли не заметить, что довольно быстро после 1645 г. разрастается деятельность как самого Дворца, так и других дворцовых приказов — Серебряного, Золотого, Оружейной Палаты, Мастерской, Конюшенного приказа, Приказа Панихидных Дел, Соборного Дела, а также и ряда подведомственных Дворцу учреждений — солодовенного двора³⁹, потешного, дровяного, трубничьего, коровьего и т. д. Царь приказывает делать новые постройки, одно ломает, другое реставрирует, велит пересмотреть свою одежду, свое оружие, новыми лошадьми пополнить конюшни, ежедневно делает новые заказы, к тому же торопит и требует, чтобы обо всем, что приказано к исполнению, ему докладывали. Царь предпринимает сооружения и за пределами собственно своего дворца, но осуществление возлагается им, тем не менее, на тот или иной дворцовый приказ. Например, царь строит церкви в Москве и на городах, охотно отзывается на разные просьбы духовных лиц придти на помощь храму или монастырю и шлет из Мастерской Палаты покровы, из Оружейной Палаты иконы, из Золотого и Серебряного приказов венцы к образам, целые оклады, кадьницы, чеканных Евангелистов на напестольные Евангелия. Кроме того молодой царь с первых же лет своего царствования уже стал проявлять большую склонность к благотворительности. И в этом должны были помогать ему Дворец и дворцовые приказы. Общеизвестно также, что царь был очень внимательный, заботливый, во все вникавший хозяин.

До конца 1651 г. во главе Большого Дворца находился старик кн. А. И. Львов. Царь унаследовал его от отца, ценил его верность

* Акты Московского Государства, II, № 1017 и 1037.

** Архив Оружейной Палаты, дела по описям X и XXVI.

и радение и, как известно, 27 ноября 1645 г. пожаловал за литовскую посольскую службу «велел писать Львову о всяких делах боярину и дворецкому» ***. Вероятно, однако, довольно скоро определилось, что Львов не помощник царю в его широких начинаниях. По крайней мере, вот в каких выражениях писал царь патриарху Никону в мае 1652 г. об отставке Львова: «да еще буди тебе, великому святителю, ведомо: во Дворце посадил Василия Бутурлина марта в 17 день, а князь Алексей (Львов) бил челом об оставке, и я его оставил, а ныне добре болен. А слово мое ныне во Дворце страшно и делается без замочанья» ****⁴⁰. Это желание, чтобы слово царя было страшно и чтобы все делалось по слову его без замочанья — не случайная фраза в устах царя Алексея Михайловича. «На спех», «не мешкая», «безо всякаго мочанья» — любимая приписка грамот, раз в деле принимал непосредственное участие царь. При этом царь, сколько хватало его настойчивости, следил, чтобы приписки, такого рода не оставались фразой; он умел сердиться, если в этом смысле его не хотели понимать. Например, в грамоте Черкасскому Косому от 1653 г. читаем: «писал ты к нам през сего, а ныне ты, страдник, худяк, ни к чему не надобен, не пишешь ни одной строки. Отведаешь как приехать и увидишь наши очи — мы тебя, страдника, не велим и в город пустить». В указе сокольнику Тоболину читаем: «было тебе приказано словом говорить Ивану Шарапову, и ты враг, злодей окаянной (зачеркнуто: б... сын, с... сын) к нам не писывал ничево, говорил ли ему или не говорил, и што он тебе сказал» *****. Дальше мы будем иметь не раз случаи указывать, с какой необычной для приказной волокиты быстротой умел царь направлять каждое дело, которое его почему-либо интересовало. Но, сменив Львова и заменив его Бутурлиным, царь не ограничился одним этим. Он, видимо, заметил, что тяжелая машина дворцовых учреждений не в состоянии поспевать за ним не только в силу отсутствия энергии у того или иного отдельного лица, а и потому, что его планы, быстрота, с какой он стремится к их выполнению, а также точность, которой он требует, не по плечу всему дворцовому строю. Это одно могло бы уже заставить его разделить возникавшие у него предположения и проекты на две категории — на такие, исполнение которых он мог бы предоставить общему порядку, и на такие, для исполнения которых он желал бы исключительного порядка.

*** Древняя Российская Вивлиофика, XX, стр. 284.

**** Акты Археографической Экспедиции, IV, 57.

***** Государственный Архив, XXVII разряд, № 100. Напечат. в изд. г. Ламанского, стр. 731 и 733.

В какой мере мысль об учреждении особого Приказа таких в особом порядке исполняемых поручений складывалась постепенно, можно видеть отчасти и из того, что некоторое время (по нашим данным в 1649–1651 гг.) значение подобного особого Приказа было, отчасти, как бы придано Мастерской Палате. Нужны ли были царю деньги на расходы, а какие — про то царь ведает, желал ли царь послать на тюремные дворы милостыню колодникам, назначал ли он раздачу бедным всяким людям зимнего ради времени на шубы — обо всем этом царь приказывал Мастерской Палате, а та уже от себя посылала памяти в разные приказы, требуя присылки денег «вверх». Подьячих Мастерской Палаты царь приказывал посылать для досмотру портомойной, им же приказывал выведывать прохладные цены мимо Большого Приходу и т. д.* Не следует забывать, что Мастерская Палата помещалась во дворце и что, по самым функциям своим, это учреждение имело шансы на близость к царю.

Таким образом, у царя был и ближайший повод развить свою канцелярию в целое учреждение: повод этот — недовольство Большим Дворцом, оказавшимся к тому времени неспособным приноровиться к некоторым особым требованиям молодого царя. Но так как в Московском государстве не так легко вводились новые порядки, то вполне правдоподобно, что ранее, чем организовать новое учреждение, царь пытался обойтись при помощи уже существовавших. Таков смысл его попытки привлечь к новой роли Мастерскую Палату. Быть может, эта попытка не удовлетворила царя, быть может, тут действовали и другие, нам неизвестные, причины, но царь довольно скоро перешел к новому приему: из состава Большого Дворца он выделил особый штат, который постепенно в пределах того же Большого Дворца и был развит царем в особый Приказ.

Правда, только в приблизительных чертах, но без особых затруднений можно наметить и тот путь, каким шло подобное развитие особого штата подьячих Дворца в особый Приказ. Эти подьячие, пока они только писали и переписывали для царя, являлись в его глазах теми незаметными совсем маленькими людьми, которые могли работать, сколько им прикажут, но с которыми можно было не считаться. Однако, эти люди — нечто вроде сокольников на потешном дворе, конюхов у любимых царских лошадей — должны были скоро оказаться и весьма полезными, и удобными людьми. Во-первых, они жили одной царской милостью, во-вторых, состоя непосредственно при царе, они уже не были связаны никакими приказными традициями. Каждое слово царя было для них безусловным

---

* Архив Оружейной Палаты, 157 г., № 23, 29, 51; 158 г., № 46, 50 и др.

законом, но не теоретически только, а фактически; к исполнению каждого поручения царя они не только могли, но и должны были приступать немедленно и, немедленно же по исполнении, во всем должны были отдать точный и подробный отчет царю. Достаточно было сознать, в какой мере подобный штат удобен, чтобы уже создались основания для стремления придать этому штату более определенную организацию.

Нельзя не отметить условие, которое могло с особой силой подчеркивать все выгодные стороны существования при царе подобного штата. Это условие — частые походы царя. С 30 ноября 1650 г. по 1 декабря 1651 г. можно насчитать походов царя, с 1 декабря 1651 г. по 1 декабря 1652 г. — 16 походов, в 1653 г. — 13 походов, а в 1654 г. царь отправился в свой знаменитый большой поход*. Отправляясь в поход, царь оставлял на Москве бояр, а с собой брал, кроме всякого рода свиты, походные отделения дворцовых приказов. Так, Мастерская Палата шла за ним в походы в виде Мастерского шатра. Конюшенный приказ в виде Конюшенного шатра, когда уже образовался Приказ Тайных Дел — он шел в виде Именного шатра**. Это показывает, что походы царя не прерывали его обычной деятельности. Мы можем судить об этом и по целому ряду других данных, так как сохранилось весьма много документов с указанием, что они были писаны в походе, присланы с похода и т. д. Но понятно, что самый факт похода являлся обстоятельством, которое до некоторой степени затрудняло обычную деятельность царя. Если царю забывали дать в поход чулки, какую-нибудь из его шапок, какой-нибудь из его посохов, что-либо из его платья, о чем царь мог бы вдруг вспомнить в походе, дворцовые шатры, эти походные отделения дворцовых приказов, могли немедленно снестись с Москвой и добыть то, что потребовалось***. Но для дел иного рода приходилось бы или брать с собой в поход под видом шатров отделения всех других приказов, или давать специальные поручения лицам свиты. Едва ли следует сомневаться, что царь должен был счесть более удобным для себя третий путь, именно — пользоваться услугами лиц особого состояния в его непосредственном распоряжении штата подъячих.

Мы знаем и примеры этому. Вспомним хотя бы уже выше цитированное письмо царя к думному дьяку Алмазу Иванову, присланное из похода с подъячим Василием Ботвиньевым. Подъячий был послан из Вязьмы по секретному делу. В письме читаем: «а о чом

---

* Дворцовые Разряды, III, стр. 212–286, 286–335, 335–386, 412.

** Архив Оружейной Палаты, 164 г., № 82, № 153 и др., 165 г., № 18.

*** Архив Оружейной Палаты, 163 г., № 88, 164 г., № 137, № 138 и др.

тебе станет он говорить, что ему понадобится на наш расход денги или об ином каком нашем деле учнет говорить, и тебе б ему верить во всем, а денги давать с роспиской»*. В челобитной, поданной Дементием Башмаковым, когда он был еще подъячим Большого Дворца, читаем описание обязанностей, которые возлагались иногда во время походов на лиц этого особого штата: Башмаков, например, ведал в походе денежную казну и «работал государевы всякие дела без покою и без лености». Из этой же челобитной узнаем, что царь, отправившись в Смоленский поход и отправив царицу и царевича, по случаю моровой язвы⁴¹ в Москве, в Братошино⁴², командировал туда и Башмакова; вместе с царицей и царевичем переехал Башмаков в Троицкий монастырь; а затем, как мы уже знаем, Башмаков был вызван царем в Вязьму**. Таким образом, к описываемому времени (конец 1654 г.), если, быть может, не все, то некоторые из лиц этого особого штата являлись уже лицами, пользовавшимися несомненным доверием царя.

Наконец, мы не можем не обратить внимания и на следующее обстоятельство. Если еще можно спорить против нашего предположения что Приказ, как определенное учреждение, возник не в конце 1654 г., а лишь в самом начале 1655 г. (думаем, однако, что приведенные нами в пользу именно такого предположения доказательства едва ли могут быть легко опровергнуты), то очень трудно сомневаться, что Приказ возник не ранее самого конца 1654 г. В это же время царь совершал свой большой поход. Таким образом, самый Приказ был учрежден во время похода, привезен в Москву из похода. Кроме того, мы знаем, что раньше 23 января 1655 г. царь составил для Артамона Матвеева, тогда уже «верного и избранного», азбуку для передачи тайных дел; азбуку царь просил Матвеева, принять «со радостью и держать скрытным делом»***. Это наводит на мысль, что Матвеев был обязан о Московских делах тайно сообщать царю. Никаких дальнейших данных по этому вопросу у нас нет. Но самые факты достаточно знаменательны. Почему именно во время большого похода мог определиться момент, когда назревавшее явление было признано назревшим? Раз нет дальнейших данных, остается предполагать. Но будем ли мы далеки от истины, если предположим, что, совершая свой первый большой поход, царь оказался довольно быстро в исключительном положении. Он должен был быть одновременно и главнокоман-

---

* Арх. Ор. Пал., 163 г., № 10.

** Дополнения к Актам Историческим, III, 119, XXIX.

*** Изд. г. Ламанского, стр. 729.

дующим, и царем. Но Москва со всеми ее учреждениями была на руках у бояр, с царем были лишь немногие из тех людей, кто мог бы быть ему полезным в его двойном труде — царя и главнокомандующего. При наличности всей совокупности вышеуказанных условий, более определенная организация в сущности уже ранее сложившегося учреждения явилась бы именно в такую минуту только естественной.

Напоминаем, однако, что все-таки царь не сразу объявил новый Приказ самостоятельным учреждением. Как мы уже видели выше, хотя царь и дал Приказу особого дьяка, но над этим дьяком он поставил Ртищева⁴³, ведавшего тогда Большой Дворец. Только впоследствии, некоторое время спустя, царь лично стал во главе нового Приказа. Другими словами: и создав уже особый Приказ, царь еще вовсе не имел в виду решать вопрос во что собственно это новое учреждение выльется, тем менее — каково будет его назначение в ряду других государственных учреждений.

И так, к чему же мы пришли? Приказ Тайных Дел, как организованное учреждение, с определенным наименованием и с известной организацией, образовался не ранее конца 1654 г., вернее — начала 1655 г. Но уже давно, может быть, с первых же лет царствования Алексея Михайловича при царе имелись писцы; возможно, что эти писцы вначале брались, откуда придется, но, видимо, главным образом, брались они из Приказа Большого Дворца; таким образом, при царе составилась особый штат, который в тоже время являлся как бы новым отделением Большого Дворца. Вместе с тем мы попытались выяснить те обстоятельства, которые делали существование при царе особых писцов необходимым. Этими обстоятельствами мы считаем, во-первых, то, что царь не только любил писать, но и имел о чем писать; во-вторых, то, что царя побуждала к такой работе вполне реальная необходимость. Наконец, мы попытались определить и те данные, которые повели к развитию особого штата в особый Приказ. Эти данные мы видим ближайшим образом в недовольстве царя Большим Дворцом и в частых отлучках царя из Москвы.

Если наше построение правильно, то мы получаем возможность прийти и к дальнейшему выводу: Приказ появился в виде учреждения, которое вначале отвечало только особенностям личности царя, но отнюдь не должно было означать никакой реформы, тем менее являлось какой либо определенной мерой, которая бы преследовала определенные задачи. Если Тайный Приказ весьма быстро, как увидим сейчас — путем крутого поворота, получил все значение чего-то нового, то этому имелись особые причины, к рассмотрению которых и надлежит перейти <...>.

<...> Приказ ведал дела Савинского монастыря. Общеизвестно, что Савино-Сторожевский монастырь находился под особенным покровительством царя Алексея Михайловича. Еще в 1652 г. царь писал: «ведаешь ли ты то, что опричь Бога и Матери Его Владычицы наша Пресвятая Богородицы и света очию моею Чюдотворца Савы, и не имею, опричь той радости, никакой и надежды... За помощью Пресвятыя Богородицы и за молитву Чюдотворца Савы ничье грозы не страшны»*. Павел Алеппский рассказывает, что на построение Савинского монастыря «царь всю душу положил», дабы сделать монастырь подобным монастырю Троицкому**. Сами монастырские власти, после смерти Алексея Михайловича, обращаясь за покровительством к царям Петру и Иоанну, писали: «его-же (Алексея Михайловича) душеполезным тцанием сия обитель святая наздана и всякими лепотами нужными устроена»***.

Монастырь существовал с конца XIV века****, пользовался большим уважением и до Алексея Михайловича, но Алексей Михайлович выказывал особую любовь и особую ревность к этой обители. Павел Алеппский оставил нам весьма подробный рассказ об отношениях царя к Савинскому монастырю. Царь распорядился в нем, как если бы сам был настоятелем. Во время службы, например, царь «от начала до конца службы учил монахов обрядам и говорил, обходя их: «читайте то-то, пойте такой-то канон, такой-то ирмос, такой то тропарь⁴⁴, таким-то гласом»; если они ошибались, он поправлял их». Словом, — продолжает повествователь — «он был как бы типикарием⁴⁵, т. е. учителем типикона (уставщиком, обходя и уча монахов; он зажигал и тушил свечи и снимал с них нагар». Во время монастырской трапезы, царь «до самого конца трапезы прислуживал всем монахам до последнего, а они сидели, ели и пили». Павел Алеппский рассказывает, что он узнал наверное, что на постройку монастыря царь истратил 378,000 рублей, но постройка тогда еще не была кончена. Сам царь выразился об этом так: «батюшка! всего удивительнее то, что вся эта прекрасная постройка была окончена в два года: это — большое чудо!» Царь тут же объяснил причину, почему он с такой ревностью стал заботиться о Савинском монасты-

---

* Изд. г. Ламанского, стр. 687.

** Пер. г. Муркоса, Чт. О. И. и Д., 1898 г., кн. 4, стр. 120.

*** Дополнения к Актам Историческим, X, 12.

**** См. Историческое описание Савино-Сторожевского монастыря, составленное Смирновым, М., изд. 1846 г.

ре: ему раньше было чудо от святого*. Из уже цитированного дела о казначее Никите мы узнаем, что царь весьма близко к сердцу принимал монастырские дела. Когда выяснилось, что казначей Никита бражничает, бьет крестьян, «задуrowал и взбесился», как писал царь, то царь искренно огорчился. В искренности огорчения царя нельзя сомневаться, читая известную грамоту к Никите, в которой, между бранью и упреками, находим, например, следующую собственноручную приписку царя: «О, горе мне от тебя, Никита! каково ты мне сотворил за мою к тебе любовь, таково и я тебе сотворю»**. После этого дела царь как бы впал в отчаяние: «за грехи мои и ваши обции — писал он келарю и ризничему — монастырь Рожества Пречистая Богородицы и преподобного Савы в конец разорился; вас (келаря и ризничаго) нет, казначей взбесился и задуrowал, а архиморит аглох, а братья не токмо вино, но и табак пьют». Несколько позднее царь написал в монастырь собственноручное послание, в котором между прочим читаем: «и я вас молю, наипаче касаюся ног ваших святых главою своею грешною со слезами, Господа ради, внемлите наше грешное моление и послушайте, Чюдотворца ради нашего, сего грешнаго и недоуменнаго писание: не разоряйте сей дом Богородицын и Чюдотворцев и не попускайте врагов Божиих на Чюдотворцев дом, таких же врагов, что и Микита, наипаче созидайте молитвою и постом, а не злобою и пьянством и роптанием»***. Царь смотрел на этот монастырь, как на дело души своей и искал в нем обстановки для душевных подвигов. У того же Павла Алеппского находим описание, как царь посещал в монастыре больных и расслабленных монахов. Когда царь привел патриарха Макария в помещение, где находились больные, трудно было, по словам Павла Алеппского, оставаться там «от сильнаго, отвратительнаго и зловоннаго запаха»; но царь попросил патриарха прочесть над больными молитвы и благословить их. Повествователь добавляет: «всякий раз, как наш владыка благословлял одного из них, царь вслед за владыкой подходил к нему и — о, удивленье! — целовал его (больного) в голову, уста и руки; и так до последняго»****. Этот факт не случаен. Тот же повествователь

---

* В этих словах Павла Алеппского заключается подтверждение известного рассказа о том, что мощи преподобного Савы были открыты по явлению, бывшему царю во время охоты. Рассказывают, что на царя выбежал медведь, и когда царь был уже близок к смерти, явился старец и отогнал зверя. В старце царь усмотрел преподобного Саву и велел освидетельствовать гроб его. Историческое описание Савво-Сторожевского монастыря, прим. 71.

** Изд. г. Ламанского, стр. 688.

*** Изд. г. Ламанского, стр. 697.

**** Пер. г. Муркоса, Чт. О. И. и Др., 189? г., кн. 4, стр. 133–134.

рассказывает, что в монастыре он осматривал новое помещение, в виде отдельного монастыря, выстроенное царем специально «для увечных, слепых, недвижимых и пораженных заразной болезнью из числа монахов этого монастыря». Царь поставил им игумена из их среды и келаря, назначил служителей не из числа больных, а иереев из их числа, чтобы совершать для них службы*.

Из других источников мы знаем, что царь не только очень часто бывал в монастыре, но и выстроил там себе дворец, в котором иногда жила подолгу со своей семьей. Из вкладной монастырской книги видно, что царь с 1650 по 1668 г. г. послал в монастырь на всякие монастырские расходы 36,000 р. Этот факт может быть проверен по расходным книгам Приказа, из которых видно, что царь ежегодно (по крайней мере, за те годы, записи за которые сохранились) посылал в монастырь 1500–2500 в год. Сверх того царь делал в монастырь большие вклады, посылал архимандриту с братьей подарки деньгами и вещами (по вкладной книге монастыря насчитывается денежных подарков за 1650–1668 гг. — 10000 рублей), отписывал на монастыри земли с крестьянами и угодьями**. Известно также, что, по обещанию, царь отлил для колокольни монастыря колокол (или колокола); надписи были составлены самим царем; одна из надписей сделана тайнописью***.

При царе Михаиле Феодоровиче Савинский монастырь с его людьми и землями судом и управлением ведался на общих с другими монастырями основаниях****. Царь Алексей Михайлович по причинам, которые вытекают из предшествовавшего изложения, стал лично ведать дела монастыря, с образованием Тайного Приказа — через этот Приказ. Это вытекает не только из того, что расходы по монастырю, которые царь брал на свой счет, оплачивались из кассы Тайного Приказа, но и из того, что в Приказе поверяли счета монастыря, видимо, и монастырские книги. Мы знаем также, что по делам монастыря власти подавали челобитные в Тайный Приказ; распоряжения в приказы, куда надлежало, следовали уже из Тайного Приказа. В Тайном Приказе были ведомы и Савинские стрельцы, т. е. стрельцы, поселенные в особой слободе около монастыря, специально для караулов и обереганья во время царских приездов*****. Имеются основания думать, что царь лично назначал и смещал не только

---

* Там же, ст. 132–133.

** Ист. опис. Сав. мон., стр. 29–31, книги расходов Прик. за 1664–1676 гг.

*** Изд. г. Ламанского, стр. 400.

**** Г. Гр. и Д., III, 71.

***** Ист. опис. Сав. мон., стр. 70 и сл., Д. А. И., VI, 87; Д. А. И. IX, 2; Д. А. И., X, 40, I–III.

всяких слуг монастырских (приказчиков, ведавшую хозяйственные нужды прислугу), но и настоятелей, келарей, казначеев, ризничих. Например, в 1661 г. царь послал из Тайного Приказа указ об отдаче монастырской казны новому казначею Макарию*. Например, царь своей властью сместил Никиту. В какой мере по всем делам, относившимся к монастырю, привыкли обращаться непосредственно к царю, можно видеть, например, из следующего факта: в 1658 г. какой-то старец Филарет пожелал поступить в больницу Савинского монастыря (видимо, в качестве больничной прислуги) — он и обратился с челобитной в Тайный Приказ. Челобитная поступила 26-го марта, в тот же день была доложена царю, и царь указал послать в монастырь грамоту: «будет им тот старец в больницу надобен, и они б велели ему быть, а будет не надобен, и они б ему отказали»**. После смерти царя Алексея Михайловича монастырь был передан в ведение Большого Дворца, где он должен был вестись «как ведом был при отце нашем (титул) Алексее Михайловиче в Приказе Тайных Дел». При царях Иоанне и Петре, в виде особой милости, монастырь был взят в ведение государевой Мастерской Палаты***.

Приказ ведал дело царской благотворительности. Издревле с представлением о русском царе связывалось представление об отце и покровителе всех сирых и убогих, нищих и беспомощных. Известно, что цари всегда щедро раздавали милостыню, в дни больших праздников кормили нищую братью, особенно много раздавали милостыни нищим, а также одаривали монастыри и духовенство на помин родных и близких. Но до царя Алексея Михайловича деятельность эта была не организована. Михаил Феодорович благотворил, главным образом, при посредстве дьяков Большого Дворца, иногда — подъячих Мастерской Палаты⁴⁶. На это указывают сохранившиеся расходные книги. При царе Алексее Михайловиче, царская благотворительность, с одной стороны, разрастается, а с другой — значительно организуется. Центром управления царской благотворительности становится Тайный Приказ, ему помогают некоторые из подведомственных ему учреждений — главным образом, Аптекарский двор; отчасти, однако, царь не отказывается и от услуг Мастерской Палаты; впрочем, видимо в экстренных случаях — когда требовались большие раздачи, например на помин царицы Марьи Ильинишны, несколько раньше — боярина Бориса Ивановича Морозова****.

---

* Ист. опис. Сав. мон., прим. 114.

** Арх. Ор. Пал., № 116, 166 г.

*** Ист. Опис. Саввинск. мон., прим. 118; там же — Д. А. И., X, 12.

**** Арх. Ор. Пал., кн. Мастерск. Пал. № 635–643.

Можно утверждать, что нищелюбие было одним из отличительных свойств царя Алексея Михайловича. Он благотворил не только во имя традиции, а благотворил с любовью и верою. Мы уже приводили рассказ Павла Алеппского о посещении царем больницы Саввинского монастыря. Царь обходил больных, утешал их, заботился о них, не тяготился ни видом их, ни тем ужасным запахом, который исходил от их ран и который не позволял, например, Павлу Алеппскому долго оставаться в больнице. Тот же повествователь рассказывает, как царь кормил нищих накануне Сретения: «нищих и увечных (которых царь одевал в новые платья), он усадил за особым столом на полу подле себя»*. И царь делал все это вовсе не потому, что хотел выказать свое милосердие перед гостем — патриархом антиохийским, а потому, что считал себя «беспомощным и бедным по Бозе помощником», веруя, что добрые дела — путь к спасению души. Имеется записная тетрадь царя от 1647 г.; в эту тетрадь царь, тогда еще совсем почти юноша, собственноручно вписывал скольким нищим и бедным он роздал деньги. Из нее видим, что 1 ноября из денег, оставшихся от ста рублей, на которые были куплены книги, царь дал 200 нищим по гривне и 100 нищим по алтыну. На этот последний расход царь взял 30 рублей из Казанского Дворца. В тот же день он взял из Большого Дворца еще 10 рублей и велел кормить 1000 нищих. На следующий день царь дал вновь денег на корм пищим и в тот же день «сам дал 6 рублей 60 человекам, по гривне человеку, на переходех»⁴⁷. Подобные записи следуют в тетради день за днем. Например, в одной из записей читаем: «дано на корм рубль, на милостыню 5 рублей, да рубль на окуп ставитца; да того ж дня и числа взято ис Казанского дворца 4 рубли и им расход: того ж дня и числа дано на окуп рубль и с теми ж с шестью рубли, да того ж дня и числа я сам дал 2 рубли 20, по гривне человеку, да того ж месяца ноября, 3 число, в среду, взято ис Казанскаго Дворца 23 рубли, и того ж дня и числа расход»**. Иногда эти дачи были производимы по какому-нибудь случаю (на помин души, например), но в тетради, о которой идет речь, встречаются записи и о дачах без всяких специальных поводов — на милостыню. Можно отметить, что например, с 11-го (вероятно, ноября) по 26-е царь ежедневно расходовал полтину на милостыню, а под 26-м числом царь записал: «рубль я сам дал на переходех»***.

---

* Пер. г. Муркоса, Чт. О.И. Д.Р. 1898 г., кн. 4. стр. 139.

** Изд. г. Ламанского, стр. 707–709.

*** Изд. г. Ламанского, стр. 710.

Иногда, следовательно, молодой царь лично раздавал милостыню, иногда поручал раздавать другим лицам. Такими лицами могли быть и бояре, и окольные, и комнатные стольники, и дьяк Большого Дворца, и подьячие Мастерской Палаты. Как мы уже говорили, можно отметить время, когда царь чаще, чем к какому либо другому учреждению, обращался к чинам Мастерской Палаты с разными поручениями, в том числе — и с поручением раздавать милостыню. Но когда около царя стали уже группироваться особые подьячие, конечно, именно они могли оказаться удобнее других для исполнения поручений такого рода. Тем более, что многую милостыню царь давал тайно, быть может, придавая тайной милостыни особое значение. И мы, действительно, видим, что уже в 1655 г. милостыню по монастырям развозили подьячие Приказа, на них же возлагалась обязанность устраивать кормы и т. п. * В какой мере дело царской благотворительности сделалось специальностью Тайного Приказа, можно видеть хотя бы из уже известного нам утверждения г. Викторова⁴⁸, знатока столбцов Архива Оружейной Палаты: г. Викторов решился придти к заключению, что Приказ Тайных Дел был приказом благотворительных дел и только с 1663 г. изменил своему первоначальному назначению**.

Случайно именно с 1663 г. мы могли более систематически изучить данные о Приказе, как об органе царской благотворительности; основываясь на расходных столбцах и книгах за 1663–1676 гг., мы смело можем сказать, что за эти годы деятельность Приказа в описываемом направлении была очень обширна и проявлялась в достаточно разнообразных формах.

А. Раздача милостыни деньгами. Милостыня деньгами раздавалась колодникам, пленникам и нищим; массовые раздачи обыкновенно происходили из года в год в одни и те же дни, или же по поводу известных событий — для какой-нибудь радости, либо на помин; раздачи отдельным или немногим нищим происходили, конечно, всякий раз, как укажет царь. Из года в год милостыня раздавалась приблизительно в следующие дни: 11–1 июля — на помин по Михаиле Феодоровиче, 17–19 августа — на помин по Евдокии Лукьяновне⁴⁹, 25 октября — на помин по Дмитрии Алексеевиче⁵⁰, 28 сентября — на праздник Харитона Исповедника, 22 октября — на праздник образа Богородицы Казанской, к праздникам Рождества, Пасхи, в неделю мясопустную, в пятую седмицу великого поста, в неделю Ваий, в день Благовещенья, в страстную среду,

* Архив Оружейной Палаты, 11–620, 14–623 и др.

** См. выше, стр. 10.

в страстную пятницу и т. д. После смерти царевича Алексея, в особенности же после смерти Марии Ильинишны раздача производилась огромными суммами и во все установленные для поминовения сроки. Бывали нередко раздачи и на помин кого-либо из бояр. Особенно много было роздано с 1 ноября по 12 февраля 170 г. на помин Б. И. Морозова; когда умер думный дворянин Федор Полуехтович Нарышкин⁵¹ (в 1675 г.), было роздано 1250 р. Размеры раздач были разные, но в пределах однородных случаев настолько незначительны были колебания, что можно предполагать, что в этой сфере деятельности Приказ действовал, если и не вполне самостоятельно, то все таки по раз навсегда установленному шаблону, менявшемуся лишь в случае специальных распоряжений царя. Например, в 1664 г. было роздано в день Харитона Исповедника 160 рублей с гривной, 1061 человеку, по гривне человеку, в 1665 г. — 1110 чел., по гривне человеку, в 1670 г. — 1020 чел., по гривне человеку. Рядом с этим, однако, почти ежедневно происходили раздачи уже по специальным указам царя; эти раздачи являлись в большинстве случаев актом милосердия, нищелюбия в собственном смысле этих слов, выражая душевное настроение царя. И такие раздачи могли, конечно, вызываться только различными внешними поводами, но едва ли это было всегда так. Раздачи эти слишком часты, слишком разнообразны и неизменно обнаруживают личную заботу царя. Едва ли, следовательно, можно отрицать, что нередко раздачи производились не в силу ритуала, без ближайших внешних поводов, только под влиянием внутренних побуждений. Проследим эти раздачи за какой-нибудь один месяц, взятый наугад. Например, в феврале 1668 г.: 3 го февраля было роздано нищим 14 рублей, 5 го — 3 рубля, 9-го — 120 рублей, 10-го — 12 рублей, 11-го — 15 рублей, 12-го — 40 рублей, затем следует целый ряд таких выдач, как 4 р., 6 р., 2 р. 20 алтын, полтина, 5 рублей и т. д. При этом надо заметить, что мы говорим пока только о раздачах деньгами и к тому же — только нищим, колодникам и пленникам*.

Самый процесс раздачи был многообразен. Иногда царь совершал особые выходы для раздачи милостыни. Выходы эти состояли в посещении тюремных дворов; выходы считались тайными; совершались они рано утром. Царь шествовал окруженный небольшой свитой, в состав которой входили два-три стольника, стрелецкий голова, два-три подьячих Тайного Приказа, иногда тайный дьяк, иногда кто-нибудь из близких людей. Шествие охранялось караулом. В иных случаях все

---

* Основано на приходо-расходных книгах и расходных столбцах Тайного Приказа за соответствующие годы.

шли в одно какое-нибудь место, но иногда царь оставался на том или ином из тюремных дворов, где раздавал милостыню лично, а в другие места посылал либо подъячих, либо голову стрелецкого с подъячим, либо кого-либо из стольников и т. д. Для иллюстрации приведем запись об одном из таких выходов (подобных записей сохранилось весьма много): за 4 часа до света (24 декабря 1664 г.) великий государь (титул) изволил ходить на Большой Тюремный и Аглинской дворы⁵² и жаловал своим государевым жалованием милостынею из своих государьских рук на Тюремном дворе тюремных сидельцов, а на Аглинском дворе полоняников поляков и немец и черкас, а роздано ево государева жалования на Тюремном дворе в избах: в Опальной поляком 98 чел., по рублю человеку, итого 98 рублей, в Барышкине — 98, в Заводной — 120, в Холопье — 68, в Сибирские — 79, в Розбойной — 160, в Татарке — 87, в Женской — 27; тюремным сторожем — 8; всего 647 чел., по полтине человеку, итого — 323 р. 16 алт. 4 деньги. На Аглинском дворе полковнику 40 р., маору, ротмистру, капитаном трем, поручику, всего 6 чел, по 2 р. человеку, итого 12 р., шляхте 74, по рублю человеку, итого 74 р., подхорунжему, квартемейстером трем, суде войсковому, кухмистеру, полковым писарем двум, рейтаром 14, капралом 13, сержантом трем, оседачем 76, драгуном 114, гайдуком трем, челядником 142, чиркасом 21, казаком трем, мещаном двум, шляхтенке, всего 407 чел., по полтине человеку, итого 203 р. 16 алтын 4 деньги. Да великий же государь жаловал из своих государьских рук, идючи от Аглинского двора, в Белом и в Китае городех милостынею ж Агеева полку Шепелева бедных и раненых солдат и нищих безщетно. Да по ево ж великого государя указу роздавали нищим же полковник и голова Московских стрелцов Артемон Матвеев у Лобнова места, Василе Пушечников да Приказу Тайных Дел подъячей Юрьи Никифоров на Красной площади. Всего роздано безщетно 157 рублей 4 алтына. Да Приказу ж Тайных Дел подъячей Федор Казанец роздал милостыни ж Земского приказу колодником под Палатою 112, за решеткою пяти, в Женской 27, в Приказной избе и которые за приставы 38, всего — 189 чел., по полтине человеку, итого 94 р. 16 алт. 4 ден. Да по указу ж великого государя дано ево государева жалования стрелцом, которые за ним, великим государем, на Тюремной и на Аглинской дворы ходили, полковника и головы Московских стрелцов Артемонова приказу Матвеева пятидесятником 18, по 2 рубли человеку, итого 36 руб., рядовым стрелцом 44 чел., по рублю человеку, итого 44 р. Да полковников и голов Московских стрелцов Яковлева приказу Соловцова, Артемонова приказу Матвеева, Василеива приказу Пушечникова денщиком 11 чел., по рублю ж человеку, итого 11 рублей. А которые стрелцы стояли в то время на караулах у Постелнаго

крыльца, под Стретенскими вороты, у Москворецких, у Варварских, у Ильинских, у Никольских ворот, 43 чел., по полтине человеку, итого 21 руб. 16 алт. 4 д. Всего на Тюремном и на Аглинском дворех и нищим, и Агеева полку Шепелева салдатом и Земского приказу колодником и стрелцом роздано 1131 р. 4 ал.»*. Но иногда царь не совершал выходов, а посылал с милостыней кого-либо из стольников, иногда в сопровождении дьяка тайных дел или подъячих. Например, 26 января 1668 г. в неделю мясопустную было роздало 835 рублей 9 алтын 2 денги. Раздавали 2 стольника — кн. Иван Борисович Троекуров и Борис Васильевич Бутурлин. В 1669 г. против 27 августа в ночи было роздано по указу царя 322 р. 20 алтын. Раздавали стольник Бутурлин и тайный дьяк Федор Михайлов. В том же году 18 августа царь приказал сокольнику Зоту Полозову раздать на Аптекарском дворе 42 р. с полтиною и т. д. В 1664 г. 21 марта было роздано 132 р. 26 алтын 2 денги. Раздавал стольник Петр Матюшкин и подъячий Приказа Казанец. Известны случаи, когда царь посылал раздавать милостыню одним подъячих. Очень часты случаи, когда раздача милостыни поручалась Зоту Полозову, ведавшему Аптекарский двор. Большие раздачи на помин Марии Ильинишны производились, кажется, всеми способами, сразу в разных местах, как мы уже говорили, и при участии Мастерской Палаты и Большого Дворца. Встречаем, например, и такие записи: 8 апреля 1668 г. царь приказал стряпчему с ключом Федору Полтеву раздать милостыню бедным людям; 4 июня того же года царь приказал отнести к Богдану Хитрово на раздачу милостыни 500 р. Весьма часто царь требовал к себе в хоромы несколько рублей (иногда даже только полтину), каковые деньги раздавал лично или через посредство разных лиц**.

Особой формой денежных раздач неимущим являлась посылка по указу царя из Приказа Тайных Дел той или иной суммы в распоряжение царского духовника, протопопа Благовещенского собора. Эти посылки едва ли были регулярны, но случались довольно часто. Например, 19 октября 1665 г. царь послал духовнику для неимущих 300 руб., 1-го июня того же года 200 р.; за 1669 г. мы насчитали 11 случаев таких посылок, в общем на сумму 1600 рублей***. Знаем случаи посылки денег для раздачи нищим митрополиту Павлу

---

* Архив Оружейной Палаты, кн. 1072, л. л. 64 об. — 66 об. Подобную же запись можно найти у Забелина, Домашний быт русск. царей. М., 1862 г., стр. 317–318.

** Арх. Оруж. Нал., кн. 224–25. л. 44–46; столб. 37–1541, 177 г., л. 2: 36–1540, 177 г., л. 4 об.: кн. 1072, л. 110 об. и мн. др.

*** Арх. Ор. Пал., кн. 1072, кн. 224–25 и др.

Сарскому: царь, по случаю рождения царевича Димитрия, послал митрополиту 60 р. 29 алтын*. Во всех этих случаях роль Приказа ограничивалась обязанностью исполнить указ, т. е. доставить деньги по назначению.

Б. Кормы. Раздавая большую милостыню деньгами, царь тратил не малые средства и на корм нищим, пленным и колодникам. Корм устраивался в разных местах, преимущественно на Аптекарском дворе, но кормили и на тюремных дворах, развозили корм и питье по улицам, а в известные дни — в неделю мясопустную, после действия страшного суда — давался стол для нищих во дворце, причем, сам царь обедал за этим столом. Корм, как и милостинная раздача⁵³, производились как по особым случаям (в дни торжеств, траура и проч.), так и в известные дни года (в дни больших праздников). Кормы, как и милостинная раздача, бывали большие, массовые, но и для сравнительно небольшого числа лиц. Так, в 1667–1668 г. для праздника Рождества кормили на Аптекарском дворе 300 нищих, для мясопустной недели — 300 нищих, для недели Ваий — 200 нищих, для поминования покойного царя Михаила Феодоровича — 300 нищих и т. д. Средняя стоимость корма на одного человека определялась в 4 деньги. Соответственно с этим можно определить, что в 1675 г. в день Харитона Исповедника было кормлено 550 нищих и колодников, в Екатеринин день — 250 нищих**. Многие подробности о корме находим в записи от 25 декабря 1664 г.: «В праздник Рожества Христова великий государь указал полских полоняников, которые иманы на разных боех и сидят на Аглинском дворе, накормить довольно: полковника Христиана Калшетеня и всех начальных людей с вином боярским и с ромонеею и с ренским, а досталных полоняников всех с вином, с медом. А для поспешения взяти с Кормового Дворца в заем 40 туш свинины. И те туши с Кормового Дворца взяты да в ряду куплено 22 туши, цена 21 рубль 10 алтын. Куплено 16 стягов говядины, цена 29 р. 13 алт. 2 д. Куплено три четверти муки пшеничной доброй, по 2 рубли 2 гривны чет, итого 6 р. 20 алт.; куплена четверть круп грешневых, а за крупы 2 р. 8 алт. 2 д., хлебов ситных да калачей по пяти сот куплено на 10 р.; куплено 20 сыров, а за них дано 2 р. 30 алт., десять гривенок сала — дано 10 алт., 500 яиц — дано рубль, 200 мис да 400 ложек деревянных, с чего и чем полоняников кормить, — дано 5 р. 2 гривны, 30 братин — дано 40 алт., 10 ушат⁵⁴ — дано 30 алт., 2 бочки дубовых по 15 ведр — дано по 40 алт.

* Арх. Ор. Пал., кн. 1072, л. л. 135–135 об.

** Арх. Ор. Пал., кн. прих.-расх. соотв. лет.

за бочку, двой сани — полтина, 12 возов дров, по гривне воз, итого 40 алтын, извозчиком, которые с Аптекарского двора на Англинской двор везли вино и мед, и мясо, и хлебы дано полтина. Да в ряду ж куплено 113 полоть свинины, весом 95 пуд, дано 47 р. с полтиною, да 9 стягов говядины, по 2 рубли с четю стяг, итого 20 р. 8 алт. 2 д., терези больши с веретеном железным⁵⁵, даны 22 р., да к тем же терезем куплено гирей железных по два и по три, всего 15 пуд, дано по 4 гривны за пуд, итого 6 руб. Всего за тое покупку денег в разходе 181 р. 13 алт. 2 д. Из приему Андрюшкина ж (Черново). А покупал ту всю покупку и отдал на Аптекарской двор соколнику Зоту Полозову Приказу Тайных Дел подячей Федор Казанец. А в праздник Рожества Христова кормлено на Англинском дворе полоняников: полковник, маер, ротмистр, три капитана, порутчик, хорунжих семь, подхорунжей, квартирмейстров три, капрал, судья войсковой, кухмистр, полковых писарей два, шляхты 74, рейтар 14, капралов 12, сержантов три, оседачев 76, драгунов 114, гайдуков 3, челядников 142, черкас 21 чел., казаков 3 чел., мещан 2, всего 487 чел.; да стрельцов, которые в том числе стояли у Англинского двора на карауле, кормлено 30 чел. Началным людем вино боярское и романея, и ренские, и пиво, и мед взято был з Дворца, а рядовым вино и мед с Аптекарского двора. Кормил подячей (Тайнаго Приказа) Федор Казанец»*. Таких записей в приходо-расходных книгах Приказа немало.

Из расходных столбцов Приказа, хотя бы например, за 1671 г. можно высчитать (хотя, конечно, только с приблизительностью, причем полученные цифры менее действительных, так как в столбцах имеются пробелы), что в марте было кормлено полоняников, колодников и нищих более 3000 чел., в апреле — более 4000 чел., в мае — 1000 чел.** Нищих кормили иногда и у храмов в трапезе, при чем иногда кормом распорядился сам царь. Например, в неделю Ваий⁵⁶ в 1668 г. царь «изволил у церкви святого и праведнаго Лазаря в трапезе кормить нищих и жаловал их своим государевым жалованьем милостынею из своих государских рук. А роздано тридцати человеком по рублю, итого 30 р.»***. Под 25 мартом того же года читаем: «для праздника Благовещения Пресвятей Богородицы кормлены по комнате и по передней нищие 60 чел. и великий государь жаловал их ис своих государских рук милостынею 10 чел. по 2 р., 50 чел. по рублю человеку, всего 70 рублей»****.

---

* Арх. Ор. Пал., кн. 1072, л. л. 67–69.

** Арх. Ор. Пал., столбцы соответственного времени.

*** Арх. Ор. Пал., кн. 224–25, л. 49 об. — 50.

**** Там же, л. 52 об.

Раздача милостыни и корм в довольно больших размерах производилась и во время походов государя в монастыри. Сохранились подробные записи об одном из таких походов, именно о Троицком с 7 по 25 октября 1673 г.* Из этих записей видно, что, царь велел раздавать дорогой милостыню нищим; было роздано от Тонинского⁵⁷ до Братошина 63 чел., от Братошина до Воздвиженского⁵⁸ 100 чел., от Воздвиженского до Убитикова врага⁵⁹ — 30 чел. Каждому давали по алтыну. В селе Воздвиженском был устроен корм нищим. «Кормили как следовавших за царским поездом нищих, так и местных Воздвиженских, всего 100 чел; каждому было дано по двуденежному калачу⁶⁰, по чарке вина, по кружке меда, на всех было куплено на полтину варенцов, кроме того, каждый получил по алтыну. 12 октября царь пришел в Лавру⁷⁰, в тот же день были кормлены 120 чел., живших в двух монастырских богадельнях; каждому дали по хлебу, по двуденежному калачу, по две чарки вина, по кружке пива, по кружке меда; кроме того, каждый получил ручной милостыни по алтыну. На следующий день кормили Московских и Варваринских нищих, первых — 47 чел., вторых — 15 чел.; 15 октября кормили находившихся в монастырской больнице больных. Их было 69 чел. Кроме корма, каждый получил по гривне. 16 октября кормили снова богадельных. 17 октября царь двинулся назад из монастыря, и вновь была раздаваема милостыня. 18 октября опять кормили в селе Воздвиженском. Московских нищих было 40 чел., Воздвиженских нищих было столько же. И опять, кроме корма, дана была им и ручная милостыня. В тот же день царь велел раздавать милостыню дорогой: от села Воздвиженского до Братошина было дано 7 чел., от Братошина до Тонинского — 7 чел., от Тонинского до с. Алексеевского 6 чел. 19 октября был вновь устроен корм в с. Воздвиженском; кормили 42 нищих Московских, 42 Воздвиженских и 6 чел. Успенских нищих. 20 октября кормили нищих в с. Братошине. Кормили 30 человек Московских нищих. 21 октября кормили в том же селе 40 чел нищих. За следующие числа до 25 октября сведений у нас нет, а 25 октября кормили 30 ч. нищих в с. Алексеевском. Всего было израсходовано на корм и ручную милостыню, как значится в записи — 200 рублей. Из этих записей видно также, что обязанности по корму нищих были возложены на подъячих Приказа Тайных Дел Герасима Протасова и Михаила Воинова**.

---

* Об этом походе см. Дворцовые Разряды, III, стр. 906–908. Записи, на основании которых излагается дальнейшее, найдены нами в Арх. Оруж. Пал., по описи № 32, под № 44 за 182 г., л. 3–20.

** Арх. Оруж. Пал., 182 г., 44, л. 15, л. 18.

В. Содержание нищих на полном иждивении. Царская благотворительность постепенно создала в разных местах группы нищих, которые стали исключительно жить на средства царя. С другой стороны, и сам царь заботился о том, чтобы некоторые лично ему известные больные нищие пользовались более постоянной помощью, чем та, которая доставлялась путем денежных раздач и кормов. Таким образом, создалось несколько богаделен и приютов. На первом месте поставим богадельню, которая образовалась на дворе у царского духовника, Благовещенского собора протопопа. Здесь, видимо, содержались особо тяжелые больные — хроники. Затем были такого же рода приюты на дворе, что был Бориса Ивановича Морозова, в Конюшенной слободе за Пречистенскими воротами, на дворе у священника Рождественского кремлевского собора и т. д. Забота о приютах обыкновенно возлагалась на настоятелей местных храмов*. Несколько иного рода группы нищих содержались на Аптекарском дворе: считаясь нищими, получая содержание на правах нищих, они, однако, вместе с тем и работали, на какую работу поставят, какую работу дадут. Об этих нищих мы узнаем из уже цитированной описи Аптекарского двора за 1676 г. Из нее видно, что ко времени ликвидации дел Тайного Приказа на Аптекарском дворе насчитывалось 22 нищих (собственно 20, но двое из них показаны с сыновьями), кроме того несколько человек «нищих — робят», в числе которых был один некрещенный азовец-турчанин Утейко Сунагаев. В доказательство того, что эти нищие не только призывались, но и употреблялись на разные работы, мы бы могли привести указание той же описи на то, что «из нищих ребят на ученьи» показан суремщик⁷¹ Тришко Корнилов. Вместе с тем нельзя не отметить, что нищие, которые находились на Аптекарском дворе за болезнью, показаны отдельно и в общий счет нищих не положены**. Знаем и более прямое указание: нищие Аптекарского двора (8 человек), отданные для ученья поваренному да хлебному делу, в 1673 году били челом о жалованьи, и царь приказал давать им по 3 рубля***.

Тайный Приказ, конечно, ведал всех этих нищих лишь постольку, поскольку он ведал Аптекарский двор; нищих же, которые находились на попечении духовенства — постольку, поскольку приходилось, исполняя указы царя, доставлять средства на их пропитание, иногда «строить» одежду, белье и проч. <...>

---

* Арх. Ор. Пал., кн. приходо-расходного Приказа.

** Изд. г. Ламанского, стр. 71.

*** Арх. Ор. Пал., № 46-1630, 181 г., л. 69.

<...> Таким образом, ко времени воцарения Алексея Михайловича царь опять должен был оказаться вне непосредственного фактического управления: одно делали бояре, другое — приказы, третье — приказы с боярами. Царя, как говорит об этом времени Котошихин, «разумели гораздо тихим» — обстоятельство, которое могло только способствовать дальнейшему развитию указанного положения вещей.

Но мы знаем, что боярство в это время уже не представляло такой политической силы, которая могла бы воспользоваться положением вещей и могла бы создать условия, при которых царю было бы невозможно вернуться к непосредственному фактическому управлению. Это мы знаем не только потому, что боярство в действительности не воспользовалось моментом, но и потому, что уже к 1654–1658 гг. мы замечаем полный комплекс таких условий, при которых отношения между царем и боярством представляются уже совершенно ясными для обеих сторон, не вызывающими необходимости ставить какие-либо острые вопросы. Так, царь, с одной стороны, вовсе не являлся, как это иногда проскальзывает в работах наших историков, чуть ли не принципиальным противником всякого участия бояр в делах управления, едва ли также можно утверждать, что царь, если и не обращался во всех важнейших делах к совету бояр, то делал это, потому что «обходил» бояр, т. е. следовательно, должен был серьезно считаться с боярством, как с известной силой; тем менее можно утверждать, что царь вел против боярства какую-то политику, напоминавшую политику Грозного*. Мы знаем ряд мест в источниках, где говорится о «сиденьи» царя с боярами, мы можем указать на известный список дел, о которых царь собирался поговорить с боярами; можем указать и на то, что царь различал худых, «обышных людишек» от думных людей, признавал, что боярская честь «вечна» и т. д.** Мы можем указать, наконец, и на следующий факт: и во время царя Алексея Михайловича было живо даже среди лиц, работавших под непосредственным руководством царя, убеждение, что царю надлежит жить с думными людьми «в совете». Так, подъячий Тайного Приказа Юрий Никифоров, сообщая вести о королеве Христине⁷², пишет царю слышанный о ней хвалебный отзыв, в который, между прочим, включает: «и живет де Кристина королева с свейскою королевою в великой дружбе и в приятстве, а з думными людьми

---

* Например, мнение Медовикова, Михайлова, отчасти — Градовского; см. выше, стр. 7–8.

** См. выше, стр. 52 и сл., изд. г. Ламанского, стр. 733–735; Гос. Арх., XXVII разр., 187, где много указаний на сиденье царя с боярами.

в совете». Никифоров, конечно, не посмел бы так писать царю, если бы вопрос о думных людях был острым вопросом времени*.

Но, с другой стороны, царь Алексей Михайлович имел уже полную возможность при каждом случае повторять, что смысл жизни и деятельности думных людей в их верной, крепкой и постоянной службе царю, сердце которого «в руце Божей». Царь не стеснялся указывать, что, хотя честь боярская вечна, но дается она не просто и не просто дается потому, что все ее значение в царе и в его милости; милость же эта соразмеряется со службой царю. В тоже самое время боярство уже находило возможным заявлять, что кроме Бога и царя у него никого нет и что оно надежно только на милость царя. Так, например, охарактеризовал в 1658 г. свое отношение к царю такой чванный, исполненный боярской спеси и притязательности боярин, как кн. Иван Андреевич Хованский: «кроме де Бога и ево великого государя у него столника и воеводы никоу нет и в своей брате он одинок и беззаступен а надежен на ево государскую милость»**. В одном письме царя к Нащокину находим такое место: «в прежних временах говаривали про тебя всяко да одно де у него да добро: Бог де милует да царь жалует»***. В этих словах мы находим определение взглядов многих думных людей, быть может, всех их одинаково. К концу века один из иностранцев, писавших о России, Эрколэ Цани, определял отношение боярства к царю во второй половине XVII века следующими весьма резкими сливами: «Iconsiglierisuoicoll' obbedienza, piu, checolconfiglioloservono, piutostoinqualitadischiavi, chedivassali, odisudditi»****. Автор говорит об отношениях конца века и говорит о них так определенно, как не говорит ни один документ начала второй половины века. Но, по существу, разве замечается разница? <...>

---

* Гос. Арх., XXVII разр., № 128. См. Приложения.

** Гос. Арх., XXVII разр., № 128.

*** Изд. г. Ламанского. стр. 767.

**** Relazioneviaggiodella Moscovia, Bologna, 1690 г., стр. 54.